

Алексей “Kaiten” Гришин

ЖИВЫЕ И МЁРТВЫЕ¹

Рассказ не является военно-историческим и не претендует на достоверность в военно-исторических и технических деталях.

Восточная окраина Берлина, 24 апреля 1945 года.

Гвардии сержант Лев Абрамович Пойхель, командир инженерно-сапёрного взвода.

Сижу я, смолю потихонечку самокрутку из трофейного табачка, никого не трогаю. День выдался тяжкий, как и последние четыре года, впрочем. Ну, ничего, конец уж видать, доживем и перетерпим. А сейчас, думаю, докурю – и на боковую, если удастся поспать под канонаду. Завтра день тоже тяжёлый; опять Берлин брать будем, оп-тать-копать.

Вдруг слышу – мотор тарахтит где-то рядом и вроде как к нам приближается. Кого это несёт на ночь глядя? Снабжение мы днём уж получили, кухня своя имеется. Неужто погон какой с большими звёздами решил проверку учинить? Хотя, чего нас проверять – воюем, как черти, и никого не боимся, ни фашистов, ни генералов. Решил любопытствовать.

Затушил я окурочек, спрятал его до лучших времён и полез через кучу кирпичей, что когда-то домом была, а теперь просто куча. По одну сторону кучи в уцелевшем доме штаб батальона приютился, по другую – наши с ребятами палатки и нехитрое хозяйство.

Почти стемнело уже, но вижу – подъезжает к штабу пара грузовиков. Хорошие грузовики, совсем новые, краска поблёскивает, брезент без единой дырочки. Из первого выпрыгивают особисты в си-

¹ Да простит меня покойный писатель, у которого я беззастенчиво позаимствовал название, и его поклонники. Со своей стороны, я сделал всё возможное, чтобы не опорочить ни личность автора романа с таким же названием, ни его творчество.

них фуражках и врассыпную – одни ко второму грузовику бегут, другие вокруг выстроились. Чтоб, значить, никто близко не подходил. Что за секретность такая, думаю? И что там у них во втором грузовике?

А из второго вылезает куча какого-то непонятного люда. Человек пятнадцать, не меньше. Смотрю на них и не пойму никак – кто такие. Без оружия, без вещмешков. Одеты чёрт знает в чем, кто в рваном ватнике, кто в грязной гимнастёрке, кто в чёрной робе, какие механики и танкисты носят. Погонов и знаков различия ни у кого не видать.

Я сперва, грешным делом, подумал, что это дезертиров с мародёрами наловили и сейчас прям тут к стенке поставят. Но нет – выгрузили эту братию и быстренько увели куда-то за здание штаба – там ещё несколько домов в целости сохранились.

Пока вели, свет от фар грузовика на них упал, и я меня аж передёрнуло – лица какие-то пустые, нездоровые, будто и не лица, а маски, глаза только блестят. Никто не разговаривает, не курит, не кашляет. Кажись, даже не моргают. Кожа бледная, а губы почти сизые, как у утопленников. У многих щетина на щеках.

Вспомнилось, у кого я такие лица и глаза видел – у солдат, что смерти в лицо взглянули и чудом выжили. У контуженных ещё, да у тех, кому руку или ногу оторвало напрочь, а он не чувствует ничего, ибо в шоке. Эти и двигаются, как контуженные, ногами шаркают, руками цепляются. А ещё на доходяг лагерных похожи, только не такие тощие.

Ссыпался я с кучи кирпичей и движусь к одному особисту из оцепления. Роба у парня рязанская, румяная, по сравнению с теми-то бледнолицыми. Меня увидел – враз насторожился.

– Это, – говорю, – кто ж такие будут? Пополнение из штрафников что ли? Заморённые они какие-то. У нас кого закапывают – и то лучше выглядят.

Солдат юмора не оценил.

– Отойди, дядя, – отвечает. – Не велено!

Я вспыхнул слегка, но больше для вида. На этих в синих фуражках особо не поорёшь.

– Ты как с сержантом разговариваешь, сопляк?

– Известно как – ротом. Отойди, дядя, не твоего это ума дело.

И автомат, значить, с плеча снял и на меня направляет. Плюнул я и отошёл. Не хватало ещё на исходе войны пулю схлопотать от своего же дурака. Вернётся ротный из штаба – его и расспрошу. Не может такого быть, чтоб этих доходяг просто так привезли, под такой-то охраной.

Гвардии старший лейтенант Дмитрий Бондарев, командир стрелковой роты.

Штаб батальона разместился в почти целом здании местного почтамта – пол усеивали грязные и мятые бланки и конверты. В одном углу помещения, отгородившись куском брезента, притулились связисты со своей громоздкой рацией, и дремал ординарец. В другом, освещённом тусклым светом керосиновой лампы, я увидел за столом с картами и документами не только нашего комбата, капитана Гончаренко, но и какого-то незнакомого майора, да ещё особиста. Поэтому командиру батальона я отчитался по всей форме:

– Старший лейтенант Бондарев по вашему приказанию прибыл!

Наедине-то мы общались без лишней шелухи, как принято у людей, провоевавших бок-о-бок больше года. Я называл комбата по отчеству – Михалыч, он меня – Дима. А пожилого сержанта² Льва Абрамовича из сапёрного взвода, например, кликали дядей Лёвой, потому что по фамилии как-то неловко получается.

А майор мне не понравился с первого взгляда. Белобрысый, глазки маленькие, как щёлочки, и тоже белёсые, вроде как у рыбы. Губы тонкие, бледные. А челюсть, наоборот, такая, что орехи колоть

² Пожилым дядя Лёва был, конечно, с точки зрения 23-летнего лейтенанта. А самому сержанту Пойхелю, значить, малость за 40. Совсем уж стариков в армию не призывали, во всяком случае не в сапёрные штурмовые части.

можно. Я уж молчу про то, что само его появление и срочный вызов меня в штаб определённо не сулили ничего хорошего.

– Присаживайся, Дима, – сказал капитан Гончаренко. – Это майор Тихомиров из Особого отдела. Он введёт тебя в курс дела. У нас приказ оказать ему полное содействие. Так что временно переходишь в его подчинение.

Я ничего не сказал, но удивлённо поднял бровь. Мне что, теперь – подчиняться какой-то залётной «шишке», а наш комбат Михалыч просто рядом посидит, как посторонний дядя? Почему сам не расскажет: что да как? С комбатом у нас хорошие отношения и полное взаимопонимание, а с этим майором ещё непонятно как повернётся.

Впрочем, когда майор Тихомиров заговорил, я понял, что для комбата его появление и требования такой же неприятный сюрприз, как и для меня.

– Задача состоит в следующем, – без долгих предисловий начал майор, расстилая на столе крупномасштабную карту Берлина и тыча в неё пальцем, – Выдвинуться в этот район, захватить и обследовать один объект, проходящий в наших документах как отдел «Зет». В случае невозможности удержать объект – уничтожить его.

– Почему мы, товарищ майор? – хмуро спросил я, не глядя на комбата, который, по идее, и должен был поднять этот вопрос. – Наш батальон только вчера оттянулся с передка для отдыха и пополнения. Перед этим три дня вели тяжёлые уличные бои. Большие потери, люди в край вымотались. Нам бы отдохнуть ещё денёк...

– Больше никому, – отрезал Тихомиров. – Других подходящих подразделений поблизости нет, а время не ждёт. Бои идут по всему городу; кого ни возьми – либо в бою, либо только-только из боя. Не на курорте, сам понимаешь. Резервы слишком далеко, а операция, повторюсь, ждать не может.

– И что – будет задействован всего один батальон?

– Размечтался – батальон! Возьму одно отделение стрелков и сапёров от вашего батальона. Плюс мои мальчишки. Если немцы засекут передвижение больших сил, то могут стянуть к объекту резервы.

Весь расчёт на то, что удастся застать их врасплох, а после им будет уже не до того.

Я взгляделся в лежащую на столешнице карту. На ней-то расстояние казалось не таким уж и большим, но я хорошо понимал, что каждый сантиметр на бумаге – это квартал полуразрушенных домов, во многих из которых всё ещё засели немцы. И эти немцы, какими бы они ни были измотанными, обессиленными и отчаявшимися, готовы сопротивляться до последнего, отступить им почти некуда. Из каждого окна может застрочить пулемёт или вылететь граната, каждый дом на пути может оказаться укреплённой позицией, которую проще снести подтянутой на прямую наводку гаубицей, чем взять штурмом или обойти. А снайперы? Это отдельная песня...

– Покажите ещё раз этот ваш объект, товарищ майор, – попросил я.

Он обвёл карандашом на карте ничем не примечательный участок в южной части города, на самом берегу реки Шпрее.

– А куда продвинулись наши войска?

Карандаш передвинулся восточнее и прочертил несколько жирных линий вдоль улиц.

– То есть, вы хотите, товарищ майор, – с плохо скрываемой злобой выдавил я, – чтобы наш отряд из двух отделений углубился на несколько километров вглубь территории, по-прежнему контролируемой врагом? Без разведки, без поддержки танков и артиллерии? В городе, где каждый сарай – ДОТ, каждый дом – крепость? Почему бы вам просто не сказать, что вы хотите два десятка солдат угробить нахрен?

– Следи за языком, старлей! – вспылил майор.

– А чего мне бояться? – ответил я в том же духе. – Что вы мне сделаете, товарищ майор? Разжалуете, в штрафбат отправите? Так штрафникам и не снились те штурмы, в которые я со своей ротой ходил! Я такого хлебнул и повидал, чего вам за десять лет не увидеть.

– Не кипятись, Дима! – вступил капитан.

Белобрысый майор склонился ко мне через стол и шёпотом, чтобы не услышали связисты за брезентом, отчеканил:

– Ты что, летеха сраный, думаешь там, наверху, дураки сидят, которые за четыре года воевать не научились? И их хлебом не корми – дай ухайдокать народу побольше? Никто просто так людьми разбрасываться не хочет, и я меньше всех. Но иногда надо – значит, надо. И есть вещи поважнее и твоей и моей жизни.

– Да вы объясните ему по-человечески, – опять влез Михалыч. – Дима поймет, он отличный офицер...

– Вижу, что отличный, – без всякой иронии ответил майор. – Мне для этой операции и нужен именно такой офицер, чтоб не боялся ни фашистов, ни меня, ни чёрта с рогами. И при этом, желательно – не дурак. Ладно, Дмитрий, слушай сюда, запоминай с первого раза; лясы точить некогда, а выступить нужно через час. И завтра ты должен всё это забыть, как будто и не слышал. К вам, товарищ капитан, то же относится.

Я кивнул, поняв по изменившемуся тону особиста, что задание и правда серьёзное, а сам он – вовсе не такой самодур, как мне сперва показалось.

– Отдел «Зет», – палец майора вновь постучал по карте, – секретная химическая лаборатория в ведении СС. Сведения о ней мы получили от пленного офицера высокого ранга, причём немцы понятия не имеют, что он в плену. Лаборатория всё ещё действует; район почти не бомбили, и большая её часть, видимо – под землёй. Лаборатория, а также хранящиеся там документы и материалы, крайне важны для нас, по ряду причин...

– Разрешите вопрос, товарищ майор?

– Давай, старлей, только кратко.

– Спешка-то такая к чему? Через пару дней этот район и так и эдак наш будет. И получите свою лабораторию на блюдечке...

– Говорю тебе, балда – есть ряд причин. Первая, она же главная: когда наши войска пойдут на штурм Рейхстага, а произойдет это со дня на день, фашисты планируют подать по подземным трубопроводам в центр Берлина и район Рейхстага отравляющий газ. Рейхстаг-то мы, конечно, так и так возьмём, но погибнут тысячи. Тысячи, понимаешь? И наших солдат и тех гражданских, что ещё остаются в

центре города. Про немецких солдат я и не говорю, пёс с ними. Второе: поскольку основные наши силы сосредоточены вокруг центра города, до этого района с лабораторией очередь дойдёт отнюдь не через день-другой, и немцы могут запросто и без спешки лабораторию эвакуировать, или заминировать и взорвать. И третье: материалы и документация с объекта ни в коем случае не должны попасть в руки наших союзничков, американцев. Их войска тоже на подступах к Берлину, и они тоже могут попытаться провернуть такую же операцию силами небольшой разведывательно-диверсионной группы, не дожидаясь перехода под их контроль всего района. Понял теперь, что командование не в мясорубку вас хочет кинуть, а возлагает реальные надежды на то, что задание вы всё-таки выполните и, может, даже вернётесь?

– Понял, не дурак, – кивнул я. – Давайте теперь ближе к делу. Какой маршрут продвижения, какое сопротивление ожидается?

Похоже, не отвертеться мне от этой авантюры. Ну что ж, на войне так обычно и бывает: рискуют или жертвуют малым, чтобы сберечь важное. Если удастся сорвать газовую атаку – так за это и умереть не жалко. Не то, чтобы я прям умереть стремился. Но майор был прав: иногда надо – значит, надо. Может, орден дадут. Хотя бы посмертно...

– Я ж вам говорил, – сказал комбат майору, – он всё понимает, нужно просто объяснить, как следует...

Сержант Пойхель

Смотрю я, ротный из штаба выходит, с таким видом, словно его там сперва отодрали в хвост и в гриву, а потом наградили, но он даже толком не понял – за что. И тут я вроде как случайно навстречу попался. Увидел меня старлей наш и ожил малость.

– Тебя-то мне и надо, дядя Лёва, – говорит. – Хорошо, что ещё не спишь. Потому как спать этой ночью не придётся.

Не понравилось мне, как он это сказал. Но стою, слушаю, гадаю – чем он дальше меня огорошит. Отвел меня старлей в сторонку, посмотрел в глаза, откашлялся.

– Собирай своих молодцев. Выдвигаемся.

У меня аж челюсть отвисла. Мыслимое ли дело? Мы ж только-только из боя, не спавши, не жравши.

– Командир, вы там уши объелись на пару с комбатом? – спрашиваю. – Куда выдвигаемся на ночь глядя? Смерть искать? И так под ней каждый день ходим.

– Михалыча не трожь, – вздыхает лейтенант. – Он не виноват. Майор там какой-то нарисовался, из Особого. Это его затея, он теперь за главного.

Я в затылке почесал, с ноги на ногу потоптался, а чего сказать и не знаю. Если есть приказ – наше дело выполнять.

– Куда идём-то?

Хотя вопрос, конечно, глупый. Куда можно идти в окружённом, но покамест не взятом Берлине? Уж явно не в тыл, где и без нас отлично справятся, а в самое что ни на есть пекло.

– Пошли, по дороге расскажу. – Ротный мне сигарету протянул, вроде как горькую пилюлю подсластить. – А из своих ребят отбери человек восемь, желательно тех, кого дома никто не ждёт, не семейных. Ещё столько же стрелков пойдут и какие-то люди того особиста. Он тоже с нами; чёрт такой, навязался на мою голову. Задание секретное, так что о подробностях не спрашивай и своим вели языком не болтать.

«Вот те на, – думаю я. – Что ж это за задание такое, что даже не весь батальон бросают, а лишь кучку людей?»

– Взрывчатки берите побольше, – напоминает командир. – И вообще всё, что не приколочено – может, пригодится. Противогазы не забудьте.

– Тротила не так чтобы много осталось, – говорю, – но килограмм сто наскребём. Что взрывать-то будем?

– Хотелось бы, чтоб ничего не пришлось взрывать. А там как повернётся. Ладно, дядь Лёва, я пойду стрелков обрадую, а ты собирай своих. Встречаемся здесь через двадцать минут.

У меня обратно челюсть отпала. Что за спешка? Я ж пока своих молодцев растолкаю, пока растолкую что к чему... Половина, небось, третий сон уже видят, другие – кто кашеварит, кто стирку за-теял, а то и сам голый в лохани сидит. Есть у нас лохань трофейная для помывки в полевых условиях... Не ждали ж мы никаких заданий, думали отдохнуть до утра. Собрать восемь человек за пятнадцать минут, с оружием, взрывчаткой и прочим барахлом – сама по себе задачка не из лёгких.

Но ничего не сказал я лейтенанту, кроме как:

– Ох, не нравится мне это дело, командир.

Понимаю, что ему тоже всё это не в радость, отнюдь.

– Мне война в целом не нравится, – отвечает он, – Однако ж приходится воевать. Бегом марш, товарищ сержант.

И я побежал. И, голова дырявая, совсем забыл в суматохе этой ротного спросить про тех доходяг новоприбывших. Но сам думаю: не может это быть совпадением; как-то связаны они с тем заданием, что нам на долю выпало.

Лейтенант Бондарев

В назначенное время, минута в минуту, я со своими бойцами прибыл на место сбора. Майор Тихомиров уже ждал нас, нетерпеливо притоптывая начищенным сапогом. Свой китель с побрякушками и фуражку он догадался сменить на старый ватник и пилотку, чтобы не выделяться. В пальцах тлела забытая сигарета, почти полностью превратившаяся в пепел.

– Сапёры где? – зашипел на меня особист, бросая окурок. – Без сапёров нам никак!

Не успел я рта открыть, как послышался тяжкий топот нагруженных людей, и из темноты вынырнули солдаты сапёрного взвода. Лица у них были отчаянные, а глаза – бешеные, как у пиратов перед

абордажем, и не будь меня рядом, постороннему майору могло бы и не поздоровиться. А что? Стал бы, небось, далеко не первым особистом, кого стукнули по голове сапёрной лопаткой и прикопали в гряде щебня за приказы, плохо согласующиеся с инстинктом самосохранения.

Майор Тихомиров, наверное, тоже подумал о чём-то таком, потому что примирительно похлопал меня по плечу и заявил:

– Вот что, лейтенант, хоть у меня звезда на погонах побольше твоих трех, но ты со своими людьми уже своевался, знаешь их, как облупленных. Так что, командуй. Задачу и маршрут движения ты знаешь. А я до прибытия к объекту вроде как почетный гость буду, которого надо беречь и охранять. А там по обстоятельствам посмотрим.

Тут взгляд майора остановился на одном особо крупном и страшном сапёре, за спиной которого покачивались два баллона, а в руках была зажата чуть изогнутая и закопчённая металлическая труба.

– Это ещё что?

– Огнемёт, товарищ майор, – бодро ответил боец со смешной при его-то габаритах фамилией Мышкин. – Сиречь: устройство для метания зажигательной смеси...

– Сам вижу, что не пионерский горн. Огнемёт – это уже слишком... А впрочем... – майору пришла в голову какая-то мысль, – впрочем, оставь. Только не спали нас всех невзначай. – Тихомиров снова повернулся ко мне. – Всё, выступаем.

– А ваши, гм, мальчики? – напомнил я.

– За них не переживай, – отмахнулся майор. – Они пойдут другим маршрутом – так будет больше шансов добраться незамеченными. Пересечёмся на подходе к объекту.

Мы выдвинулись, растянувшись вереницей по обеим сторонам Хайдельбергер-штрассе. Каждый не терял из виду спину идущего шагах в десяти впереди, а то немудрено и заблудиться. Не сказать, что было так уж темно, над городом стояло зарево от многочисленных пожаров. Но вместе с тем в воздухе кружились хлопья пепла,

висела душная и тяжёлая завеса известковой пыли от раскрошенной бомбами, снарядами и пулями штукатурки. Пахло гарью, в горле першило. Смердный дым витал над крышами, стелился по земле, заползал, словно змея, в каждую щель. Ночное небо выглядело грязной серо-рыжей тряпкой, а тени, отбрасываемые уцелевшими домами, казались густыми и вязкими, почти осязаемыми, словно смола. Всё это вместе и по-отдельности выкидывало фокусы с чувством направления. Легко было отвлечься на секунду, споткнуться, развернуться на шум, и тут же забыть: куда и откуда шёл.

Сперва мы двигались через кварталы и улицы, зачищенные от врагов. Затем миновали передовые позиции наших войск, пересекли, если можно так выразиться, линию фронта, проходящую по Дольцигер-штрассе. Хотя, какая там линия в полуразрушенном городе, охваченном уличными боями, да ещё ночью. Ночной Берлин представлял собой даже не лабиринт, а беспорядочное нагромождение каменных коробок, окруженных отколовшимися от них обломками или руинами, оставшимися от полностью обрушившихся зданий. Улицы, перегороженные баррикадами и просто завалами из кирпичей, булыжников, фонарных столбов, трамваев и автомобилей, при дневном свете ещё сохраняющие некое подобие порядка и системы, в тёмно-бурой мгле казались извилистыми пещерами, просматривающимися хорошо если шагов на полста. И кругом чёрные провалы – окна, двери, просто дыры в стенах. Днём и ночью за каждым таким провалом мог скрываться снайпер или автоматчик, неторопливо выцеливающий движущихся вдоль улицы солдат, прежде чем нажать на спусковой крючок. И не увидишь его до тех пор, пока не сверкнёт в темноте первая вспышка и не раздастся грохот первого выстрела.

Укрывшись за обугленной башней вкопанного на перекрёстке «Тигра» я развернул карту и сверился с ней при свете маленького фонарика с заклеенным чёрной бумагой стеклом, так, чтобы пробивался лишь тонкий лучик света. Маршрут явно нуждался в корректировке с учётом местных реалий. А с «Тигром» этим, помнится, при-

шлось изрядно повозиться накануне; приданная нам самоходка за-садила в него три снаряда один за другим, а танку хоть бы что, огрыз-нулся и сжёг самоходку. Потом всё-таки и сам сгорел. Изнутри никто не выбрался и теперь рядом с танком отчетливо воняло горелым мя-сом.

Пожилой сержант из передового дозора, ровесник нашего дяди Лёвы, дыша мне в ухо махоркой и тыча узловатым пальцем то в карту, то в переплетение теней и освещённых заревом участков впе-реди, объяснял:

– Вот туды не суйтесь, оттуды давеча снайпера шибко пострели-вали. И вон ентот дом стороной обойдите. А вот этак по Румбург-што-то-там мож и проскользнёте, коли повезет. А мож и нет...

Другие залёгшие в укрытиях на «передке» бойцы провожали нас странными взглядами – со смесью недоумения и жалости. По ноч-ному Берлину не ходят толпой в двадцать человек, во всяком случае те, кому ещё охота пожить. Но мы были из другой категории: из тех, кто получил приказ и отправился его выполнять.

Румбург-што-то-там – это, иначе говоря, Руммельбургер-штрассе. Бойцы шли молча, рассредоточившись по обеим сторонам улицы и стараясь не просто не шуметь, но даже дышать потише. Тем не менее, до меня доносился то шорох и треск мелких камней и осколков стекла под ногами, то едва слышное звяканье металличе-ских деталей оружия и снаряжения, задевающих друг друга. Мне эти звуки казались оглушительными. Я недоумевал, как нас до сих пор не обнаружили. Или... обнаружили, но позволяют погрузиться по-дальше в тёмную мешанину улиц и кварталов, прежде чем захоп-нуть ловушку. Да, мы двигались не по направлению к центру города, где сосредоточились основные силы обороны немцев, а забирали гораздо южнее, скорее выходя из города, чем углубляясь в него. Но чтобы сорвать нашу миссию и не требовался батальон отборных эсесовцев, хватит десятка стариков из «фольксштурма». А остальные уж на шум сбегутся.

Я шёл, можно сказать, во главе отряда, пропустив вперед лишь пару стрелков: Богданова и Матвеева, чьей задачей было героически погибнуть, успев тем самым предупредить нас о засаде. Майор Тихомиров – как банный лист, в нескольких шагах позади меня. Когда я, оглядываясь, видел в полумраке его лицо, на нём сохранялось всё то же самоуверенное выражение, что и во время планирования этой вылазки. Но, могу поспорить, в его голове вертелись те же мысли, что у меня. Лиц остальных бойцов я не мог рассмотреть, но легко мог представить на них раздраженные гримасы или унылые мины.

Когда мы преодолели, судя по карте и моим прикидкам, около трети пути, ночь вдруг разорвали треск, грохот и щелчки выстрелов. Небо над крышами домов полыхнуло огнём, через секунду донесся мощный удар, словно огромным молотом по наковальне, и тягучий звук взрыва. Я упал в груды щебня, царапая в кровь руки и локти. Со мной поравнялся майор Тихомиров, посчитавший, видимо, ниже своего достоинства падать при любой угрозе.

– Не бойсь, лейтенант, – прошептал он. – Будет ещё возможность обосраться.

Стреляли не по нам, это я понял почти сразу. Но лучше извляться в грязи, бросившись наземь, чем словить шальную пулю или осколок. А майор... он точно знал, что ему ничего не грозит. И он явно ожидал это светопреставление, прежде чем оно началось.

Сержант Пойхель

Как стрельба началась, ну, все, думаю – приехали, едрить-ковырять. Ложись и помирай. Бойцы носом в землю уткнулись, изготовились жизнь подороже продать. Но нет, пронесло на этот раз. Дай бог не последний. Однако на соседней улице к северу от нас нешуточный бой занялся. Подбираюсь я малость вперёд, где старлей наш да майор пришлый, голова к голове, как два голубка, о чём-то воркуют. Сквозь грохот долетает только:

– Бу-бу-бу... нельзя! Шу-шу-шу... надо!

Да и без слов понятно, о чём речь, ежели не дурак. Наш-то рукой машет в ту сторону, где грохочет, мол, надо б нам по фрицам ударить, откуда они не ждут, да своим помочь. А майор, небось, свою линию гнёт – у нас задание, секретней некуда, и тот бой – не наша забота.

Сердцем-то я, конечно, завсегда на стороне нашего ротного, да и бойцы, что неподалёку с фрицами схлестнулись, чай не чужие, хоть и не из нашего батальона. Как знать, может, враг на прорыв пошёл, и нашим там совсем худо приходится. А мы, значить, топаем своей дорогой и в ус не дуем. Неправильно, не по-людски как-то. Но вот разумом, сиречь: мозгами, я целиком за майора-особиста. Ну что мы там навоюем двумя своими отделениями без брони и пушек? Только лишний переполох устроим, прежде чем нас наши же в темноте и накроют, не разобравшись. Они-то никакой помощи с этого направления не ждут. И по-любому, коли ввяжемся в бой – заданию крышка.

Видать, у старлея голос разума тоже возобладал. Оглянулся он на меня, глазами встретился и приказывает: в бой не вступать, следовать дальше за ним. Ну, наше дело солдатское, как прикажете – так и сделаем. Довёл я приказ до своих ребят и двинулись мы дальше.

Доходим до перекрестка, притормозили, прям как витязь на знаменитой картине. Направо – точно битому быть. А налево... знать бы, что нас слева ждёт – может, судьба ещё хуже. И вот, вслед за ротным, сворачиваем налево, без слова, без звука, только кирпичи да стекло под сапогами похрустывают.

Не удержался я – обернулся. Видать всё хорошо, как днём. Тот конец улицы выходит на открытое место, то ли сквер, то ли площадь. И горят на той площади два наших танка, как свечи, а третий задом пятится. От лобовой брони искры во все стороны летят, но, кажись, держится. В окнах домов то тут, то там вспышки мелькают, треск стоит неумолчный. Трассеры небо полосуют. Наши тоже лупят почём зря, да много ли настреляешь, когда ты ни хрена не видишь, а сам на свету, как на ладони. Это кто ж додумался танки ночью в атаку

погнать, ёж его медь? Их подпустили поближе, да в упор «фаустами» пожгли, небось и вылезти-то никто не успел. Эх, жалко ребят, сгорели по чьей-то дурости. И ни-че-гошеньки мы бы не смогли поделаться. Ептить-колотить, вот нечего больше добавить!

Лейтенант Бондарев

Да кто такой этот майор Тихомиров? И где проходят границы его полномочий? Я размышлял над этим, пока мы продолжали двигаться к цели нашего задания по Вильденбург-штрассе. То, что он из военной разведки, у меня сомнений не вызывало. Но не каждый майор из военной разведки может так запросто бросить танковый взвод на убой, просто чтобы отвлечь внимание и прикрыть другую операцию. Для этого надо иметь либо приказ с самого верха, либо ну очень серьёзные основания. Всё-таки не сорок первый год – людьми разбрасываться. А если не людьми, так техникой.

Но, надо признать, сумасбродная атака танкистов помогла нам больше, чем ночь, мгла и тщательно просчитанный маршрут вместе взятые. Вряд ли нам удалось бы незамеченными миновать следующие несколько кварталов. Застыв в тени возле выщербленной стены здания, до боли в пальцах стиснув ложе автомата, я видел мелькающие за провалами окон тёмные фигуры, слышал приглушенную немецкую речь, топот, лязг затворов. Немцы спешили к освещённому месту боя, не замечая, что всего в нескольких шагах от них, по ту сторону стены, притаились бойцы моего отряда. Если хоть один из фрицев выскочит на улицу, он буквально натолкнётся на кого-нибудь из нас, может, даже на меня. Да, получит финкой промеж ребер, но вдруг успеет крикнуть или выстрелить. К счастью для нас немцы предусмотрительно избегали открытых мест, передвигаясь из одного дома в другой через дыры, пробитые в смежных стенах, или по глубоким крытым траншеям, соединяющим подвалы.

Переведя дыхание и выждав для верности минуту, я снял палец со спускового крючка, отлип от стены и двинулся дальше по Вильденбург-штрассе. Скорее почувствовал, чем услышал, как следом

идет майор Тихомиров и остальные бойцы. Не стану подробно описывать, как мы оставили далеко за спиной освещённую огнём горящих танков площадь и свернули на какую-то узенькую Рюдигерштрассе, где подверглись обстрелу, но издалека и почти наугад, так что пули шлёпали вокруг с огромным разбросом и никого даже не задел. Мы бегом миновали опасный участок и невидимые стрелки вскоре успокоились. Я бы не удивился, узнав, что нас обстреляли свои, приняв за фашистов; в этом ночном хаосе что угодно могло случиться.

Миновав ещё два квартала, мы сперва услышали в ночи тихую грустную мелодию, а вскоре увидели источник звуков: на руинах здания, разрушенного бомбой, под падающими с неба хлопьями пепла, сидел человек в возрасте и отрешённо играл на губной гармошке. Он был в гражданском, без оружия. Бойцы гуськом прошли мимо, настороженно косясь на странного человека. Никто не обменялся с ним ни единым словом. Едва ли он вообще нас заметил, безучастный ко всему, кроме выдуваемого из своей губной гармошки мотива. Жил ли он раньше в этом доме, превращённом в груды кирпичей, потерял ли он под развалинами близких? Я не знал. Никому не было до этого дела. Подобные сюрреалистичные картины не были редкостью в Берлине в конце апреля сорок пятого.

Наконец, наш маленький отряд вышел на набережную Шпрее. Тут было почти так же светло, как в Ленинграде во время белых ночей. В маслянистой ряби воды переливалось зарево пожаров. Пришлось залечь; спасительные тени ложились лишь возле высоких домов, и на набережной мы торчали, как прыщи на заднице.

Теперь у меня отпала нужда постоянно сверяться с картой, река служила главным ориентиром. Лаборатория, являющаяся целью нашего задания, пока ещё скрывалась во мраке, но я знал, что она располагается чуть южнее на этом берегу реки. Это было хорошо, так как от моста, к которому выводила Рюдигерштрассе, остались лишь слегка выступающие из воды «быки» и нагромождение камней между ними, а форсирование Шпрее без лодок и понтонов похо-

дило на самоубийство. Плохо было то, что от ближайших домов искомое сооружение отделяло метров триста открытого пространства, поросшего редкими деревьями и кустарником, что в общем-то логично – не устраивают химические лаборатории в жилой застройке, особенно, если верить майору, в этом отделе «Зет» разрабатывались и хранились отравляющие вещества.

– Ну вот мы и почти на месте, товарищ майор, – прошептал я и вытянул руку, указывая вдоль реки. – Вон там ваш объект, рукой подать. И что теперь делать будем? Место открытое. Если по-пластунски ползти – рассвет раньше наступит. А как подберемся метров на сто, всё равно заметят и посекут из пулемётов. А если бегом рвануть – так ещё хуже – услышат раньше, чем увидят.

Майор Тихомиров минуту помолчал, взглядываясь в мутный серый полумрак. А затем почему-то перевёл взгляд в сторону реки. Уж не видит ли он там что-то такое, чего не вижу я? Вспомнились «мальчики» майора, которые, якобы, отправились к цели другим маршрутом. А каким, к шутам, другим, если мы выбрали самый безопасный и в то же время короткий? И всё равно без отвлекающей атаки и невероятного везения чёрта с два мы бы сюда дошли. Уж не играют ли эти «мальчики» роль заградотряда, подпирая нас с тыла? Не захотим на штурм идти – так они нас очередями подстегнут. Бред, бессмыслица, но не больший, чем вся эта операция.

Так ничего и не ответив, майор, энергично отталкиваясь ногами в начищенных сапогах, пополз к берегу Шпрее. Поскольку я не получал приказа оставаться на месте и сгорал от любопытства, то последовал за ним. Набережная здесь, как и во многих других местах вдоль реки, была разворочена попаданием авиабомбы, которой целили в мост через Шпрее. Вместо отвесной двухметровой гранитной стены к воде спускался крутой, но преодолимый склон. Осколки гранита от облицовки набережной усеивали всё вокруг, тускло поблескивая полированной стороной. У самого края воронки майор остановился, нашарил обломок, размером поменьше кулака, и швырнул его в воду.

– Что вы делаете? – удивился я.

– Погоди с вопросами, лейтенант, – процедил майор. – После всё узнаешь. А пока держись рядом и не ссы, что бы ни увидел. И палец со спускового крючка убери, а то, не ровен час, дёрнется.

И он швырнул второй камень, поднявший фонтанчик воды. Его слова меня изрядно озадачили. Несколько минут назад мы прошли буквально по волоску, отделяющему жизнь от смерти, а сейчас он вёл себя так, словно нам лишь предстоит столкнуться с чем-то страшным. Поправочка: не нам – мне.

После минутного ожидания третий камень с плеском упал в воду. Тихомиров начал проявлять признаки нетерпения, а я уже подумывал, что майор перенапряг мозги своим секретным заданием, спятил, и следующим его действием вполне может быть громогласное исполнение «Катюши», сопровождаемое стрельбой в воздух, а может и что похлеще. Но после броска ещё одного камня, я услышал тихий, но отчетливый ответ – словно рыба ударила хвостом по воде. Метрах в десяти от берега поверхность воды всколыхнулась. Если это была рыба, то здоровенная.

Но это оказалась не рыба... Что-то округлое, размером с футбольный мяч, облепленное тиной и илом появилось над водой. Я не сразу понял, что это человеческая голова, а когда разглядел – по моему телу пробежала дрожь, волоски на шее встали дыбом. За время войны я всякого насмотрелся, сам убивал и мертвецов повидал предостаточно, так что плывущий по Шпрее труп не вызвал бы у меня никаких чувств. Но тут – прям как будто пилой по нервам. Голова тем временем приближалась к берегу, из воды показались плечи, грудь, руки, висящие вдоль тела. А следом ещё и ещё головы. Ни единого звука, ни плеска, ни фырканья, с которым ныряльщик, проведший минуту-две под водой жадно хватая ртом воздух. Я сам, наверное, сейчас был похож на такого ныряльщика, открыв рот от изумления и учащенно дыша. А эти... они и не дышали вовсе, точно говорю.

Испугался, скажете, в штаны наложил? Да, испугался, и ничуть не стыжусь. Единственное, что меня удерживало от того, чтобы вско-

чить, заорать и броситься бежать подальше от берега, было невозможное поведение майора Тихомирова. Тот разглядывал вздымающиеся из воды тёмные безмолвные фигуры так, будто стоял перед строем солдат на плацу. Подняв обе руки, он каким-то замысловатым жестом поманил к себе мертвецов, выходящих из реки, и те послушно, хотя и неуклюже, принялись карабкаться по склону воронки. Не знаю, почему я сразу решил, что это мёртвые люди. Казалось бы – мертвецам природой и наукой положено лежать неподвижно и смердеть, а не разгуливать по дну Шпрее. Но мой рассудок просто не мог воспринимать эти тела, как принадлежащие живым людям. Не дышат, никакой мимики на разбухших лицах, словно вылепленных из теста. Прямо по открытым глазам стекают струйки грязной воды, но ни один не моргнул. Скованные неестественные движения. Тем не менее, я понимал, что когда-то это были живые люди, причём наши люди, советские солдаты. Погибшие, но каким-то невообразимым образом вернувшиеся с того света. На некоторых сохранилось обмундирование, правда без погон. И все они подчинялись майору Тихомирову, словно осознавали, кто тут старший офицер.

Мысли в моей голове спутались в клубок. Я не знал, чему верить – своим ли глазам или тому, что всю жизнь казалось очевидным и незыблемым. После того, как ослаб первоначальный испуг, его сменило невыносимое ожесточённое желание понять. Хотелось схватить майора за грудки, встряхнуть и заорать ему в лицо: «Что, чёрт возьми, происходит?!»

Но вместо этого я выдавил дрожащим голосом:

– Это что же – и есть ваши мальчики?

– Кто скажет, что это девочки, – усмехнулся майор, – пусть бросит в меня камень.

Сержант Пойхель

Итить-коптить, мало нам на войне забот. С фашистами воевать я согласен, и жизнь за Родину отдать не побоюсь, если нужно. Но

всему ж есть предел. У меня аж сердце к пяткам прилипло, как узнал в выходящих из воды тех бледных личностей, что при мне в грузовиках прибыли. Только тогда-то я не особо испугался, скорее любопытство одолело. И совсем другой коленкор, когда ночью из реки этикие страховидлы лезут, сплошь в тине, чисто водяные. Получается, пока мы через город пробирались, эти по дну реки дошли?

– Что ж такое деется, товарищ сержант? – шепчет у меня над ухом рядовой Савчук. – Как же так можно... чтоб в реке ходить? Не бывает так... Кто такие?

– Штрафники это. С подводной лодки, видать, высадились, – говорю я с таким видом, словно и не удивился ничуть, а сам думаю: «Какая ж, растудыть её, подводная лодка в Шпрее?» Но лучше уж соврать, чем запаниковать. Когда солдат видит, что командир спокоен и в ус не дует – и у него уверенности и мужества прибавляется.

Поверил мне Савчук или нет, но с дурацкими вопросами отстал, и на том спасибо. Нетути у меня на его вопросы ответов. А есть предчувствие, что вляпались мы во что-то непонятное.

Лейтенант Бондарев

Повинуясь странным жестам-приказам майора Тихомирова, вышедшие из воды существа направились вдоль берега в ту же сторону, куда собирались мы. Они были безоружны, шагали медленно, волоча ноги и пошатываясь, но зато тихо. И, пришло мне в голову словечко – неотвратимо. Пару раз глубоко вздохнув, я взял себя в руки, сгрёб мысли в кучку и всё-таки озвучил то, что вертелось на кончике языка:

– Это же мертвецы, да, товарищ майор? И как, интересно, вы собираетесь это объяснить?

– А я и не собираюсь, – отрезал майор Тихомиров, провожая взглядом ковыляющие и переваливающиеся с боку на бок фигуры. – Подумаешь, мертвецы – что ты, мёртвых не видел?

– Ходячих – не видел! – дерзко вставил я.

– Продолжай выполнять задание согласно ранее намеченного плану, лейтенант. А мертвецы – моя забота. Ещё спасибо скажешь, когда они путь твоим бойцам расчистят и огневые точки подавят. Без них – никак. Сам подумай: мёртвому человеку пули нипочём, потери не страшны, на опасность наплевать. Ничего не боятся, не паникуют, не бегут, в плен не сдаются. И приказы выполняют беспрекословно.

– Хоть намекните, как такое возможно? Не могут же мертвяки просто так взять и пойти. Колдовство что ли?

– Никакого колдовства; стыдно советскому офицеру в колдовство верить, – ответил майор с этой своей противной ухмылкой. – Новейшие достижения науки и медицины. И не мертвяки это, а бойцы нашей армии, не только самоотверженно отдавшие жизнь за Родину, но и готовые послужить ей после смерти. Прояви уважение!

– Да я ничего... я уважаю, – смутился я. Не ожидал, что майор этак всё повернёт. – Я просто понять хочу. Дело-то новое, незнакомое. Что же – любого солдата теперь после смерти оживить могут, или как? И нас с вами оживят, если погибнем?

– Много вопросов, лейтенант, ой как много. Недосуг сейчас об этом болтать. Вот захватим лабораторию – всё узнаешь, слово даю. А сейчас действовать надо, пока не рассвело.

Поразмыслив немного, я согласился, что в словах майора смысла всё-таки побольше, чем в моих вопросах. Я, конечно, изнывал от естественного желания приобщиться к пресловутым достижениям науки и медицины, о которых мне не доводилось ни читать, ни слышать по радио, но и отдавал себе отчёт, что наше задание никто не отменял, и от его успешного выполнения зависят жизни тысяч людей. А мертвецы... ну, мертвецы и что? Майор прав: что я – мёртвых не видел? Видел больше, чем хотелось бы, причём развороченных взрывами или пролежавших недельку-другую. Эти-то выглядели нормально, издалека или со спины можно и за живых принять. И самое главное, благодаря чему я быстро взял себя в руки – мёртвые подчинялись майору и, похоже, правда были полны решимости вступить в бой с фашистами. Ну и кто я такой, чтобы против этого возражать? Только как же они будут воевать, без оружия-то?..

Дав группе мертвецов опередить нас метров на сто, я приказал бойцам выдвигаться следом. Пока возможно мы двигались, прижимаясь к стенам, тихо скользя от подъезда к подъезду, из тени в тень. Все понимали, что на подходе к объекту наверняка ждёт бой, и сосредоточились, отложив разговоры и вопросы на потом.

Но вот ряд жилых домов подошёл к концу, и впереди, на открытом всем ветрам и взглядам пустыре, замаячил светлый силуэт небольшого двухэтажного здания, похожего на старинный особняк. Строение выглядело почти неповреждённым, хотя его окружали груды вывороченной земли и нагромождения камней, красноречиво говорящих о том, что множество людей основательно поработали тут шанцевым инструментом. Как вскоре выяснилось, подходы к зданию, окружённому сетью траншей и огневых точек, были заминированы и затянуты спиралями колючей проволоки. В придачу особняк когда-то окружала ограда из металлических прутьев, но сейчас в ней зияло множество проломов, так что не она являлась главной проблемой.

Вспышка от взрыва первой мины выхватила из мглы силуэты мёртвых солдат, шагающих к зданию. Они двигались медленно, шаркая ногами, но размеренно и целеустремленно, не пригибаясь и не пытаясь укрыться. Словно толпа усталых рабочих, возвращающихся после тяжёлого трудового дня с завода. Сработали ещё три-четыре мины, подбрасывая в воздух наступивших на них, выкручивая тела невообразимым образом, напрочь отрывая ноги. Сквозь грохот разрывов не донеслось ни единого крика или стога. Мертвецы, преодолевшие минные заграждения в более-менее целом виде, навалились на спирали проволоки, промяли ее, дали другим возможность пройти по их спинам. Это было жуткое зрелище, хотя, как я слышал, такой способ преодоления колючей проволоки применяли и вполне живые люди. Только живые-то люди после этого безвольно висели на «колючке», истекая кровью, а эти неторопливо выпутывались, словно огромные жуки из паутины, и продолжали атаку.

Среди тёмных куч земли и в окнах особняка заплясали огоньки, раздался характерный частый стрекот немецких пулемётов. Очередь стегали цепь идущих мертвецов, но толку от этого было меньше, чем от мин, которые остановили хотя бы нескольких; пули просто застревали в мёртвых телах или прошивали их насквозь. Иногда шлёпали по земле недалеко от нас или с визгом проносились над головой, но прицельно по нам пока не стреляли. Немцы были слишком заняты.

Мёртвые ссыпались в траншеи, бросились на амбразуры пулемётных гнёзд, заставив смолкнуть пулемёты. На смену стрельбе пришли истеричные выкрики на немецком и просто бессвязные вопли. Представляю, что почувствовали фрицы, когда на них неумолимо накатила толпа молчащих безоружных солдат, идущих во весь рост прямо навстречу пулям. Хотя, вру – представить такое трудновато. Я со своими-то чувствами не до конца разобрался.

Одно я мог сказать с уверенностью: без «мальчиков» майора нам всем была бы тут крышка. Продуманная система укрытий и огневых точек позволяла двум десяткам солдат, а примерно столько немцев обороняли объект, с лёгкостью остановить сотню. Пустырь простреливался из конца в конец, укрыться негде. Да ещё эти мины и «колючка»... Только на танках и подойдёшь. Впрочем, как горят танки в уличных боях мы тоже уже повидали.

– Путь свободен, – произнёс майор Тихомиров. – Теперь ваш выход, товарищи бойцы. Не подведите, орлы.

Выражение его лица заставило меня вспомнить картины, запечатлевшие Наполеона в минуты его триумфа. Нет, внешне-то они совсем не были похожи, не считая чуть презрительного самоуверенного взгляда и надменно поджатых губ.

Что ж, он прав, настала и наша очередь повоевать.

Сержант Пойхель

Что ни говорите, а сапёрная лопатка в умелых руках – замечательный инструмент. И окоп без неё не выроешь, и в рукопашной

пригодится, особенно ежели в темноте да в тесноте, где от огнестрельного оружия толку мало. Так-то оно, конечно, про рукопашную говорится: «пуля дура – штык молодец», но покамест ты немчуру штыком или ножом запыряешь, он и сам тебя разок-другой достанет. А у лопатки ручка длинная. Размахнёшься ей, значить, тупнешь с оттяжкой – уноси готовенького. У фрицев лопатки тоже были, да только похлипче наших, и пользоваться они ими предпочитали по прямому назначению...

Да что это я всё о лопатках да о лопатках? Как будто и рассказать о бое больше нечего. А ежели задуматься – и правда нечего. Кинулись мы по проторённой дорожке, спрыгнули в траншею ну и давай... ептить-колотить. Чем только не дрались: и прикладами, и касками. И гранаты в дело пошли. И огнём пригодился. Но лопаткой-то оно сподручнее. А после потычешь её в землю, чтобы мозги и кровяницу отчистить – и как новенькая.

В общем, подступы к зданию захватили мы быстро. И, можно сказать, легко, даром что тут каждая пядь земли траншеями изрыта. А вот с первым этажом пришлось повозиться. Четверых потеряли. Да ещё двоих поранило, одного тяжко. Мне-то свезло, хотя пару раз пули прям по коже чиркали. Фрицы сопротивлялись отчаянно, в плен не сдавались. Здоровенные мордovorоты в новенькой пятнистой форме и вооружённые до зубов. Пулемёты, «фаусты», разве что танков не было. Уж не знаю, где в Берлине держали оборону безусые пацаны и старики из «фольксштурма», но точно не здесь.

Честно скажу, кабы не штрафники, те, что из реки вылезли, положили бы нас всех в землю ещё за «колючкой». Чтоб я так жил, как знаю откуда они взялись, что натворили и почему их безоружными в атаку погнали, но свои грехи они искупили сполна. В жизни не видел, чтобы люди так отрешённо под пули лезли. Может, пьяные были вусмерть? Да не, не похоже. А как бой закончился, те из них, что уцелели, сгрудились у стены и стоят молча. Не переговариваются, не стонут, раны не перевязывают. Как неживые, ей-богу.

Уцелело штрафников на удивление много.

Но многим и не свезло, конечно. Гляжу, майор-особист над одним раненым склонился. У того миной живот разворочён, ливер вокруг разбросало, одна нога в трех местах вывернута, другой вовсе не видать. Но шевелится ещё, и вроде как даже встать пытается, руками по земле скребёт. И хоть бы стон издал; нет, зубы стиснул и терпит. В шоке, должно быть. Посмотрел на раненого майор с жалостью, хотя по его зенкам белёсым точно не поймёшь, вытянул из кобуры пистолет и приставил ствол к голове.

Оно, конечно, не по-людски как-то – своих раненых достреливать. В госпитале его, глядишь, заштопали бы и жил бы человек дальше, на деревяшке хромал. Да только где этот госпиталь, а где мы. Раненых на носилках дотащить никак невозможно, самим бы живыми вернуться, опатать-копать. А тут оставлять – тоже не дело.

Отвернулся я, не стал смотреть. Грохнул выстрел. Никто ничего не сказал. Война – что тут скажешь? Сейчас ты жив, а через минуту пролетела пуля, значить, и нет тебя. Когда фашистская пуля, а когда и своя...

Лейтенант Бондарев

Вблизи и при свете фонарей отштукатуренные стены особняка оказались приятного бежевого оттенка. Местами их почти до самой черепичной крыши обвивал засохший плющ. Вход обрамляли две колонны, поддерживающие выступающий балкон второго этажа. Часть окон были закрыты ставнями или заколочены досками, часть – зияли тёмными провалами. Я не историк, тем более не немецкий историк, но, думаю, выстроили этот домик из двух десятков комнат лет сто назад. И, судя по обширному свободному пространству вокруг, где раньше мог быть сад или просто лужайка, жили тут люди весьма состоятельные. Памятной таблички, к сожалению, не сохранилось, да и не принято это у немцев.

По мере того, как мы обыскивали особняк, невозмутимость и самоуверенность майора Тихомирова таяли, как дым. Мы методично

прочесали все помещения, повышибали все закрытые двери, напавшаяся за некоторыми за ожесточенное сопротивление, но не обнаружили ничего похожего на химическую лабораторию. Столы, стулья, шкафы, забитые папками и документами, телефоны, пишущие машинки, портреты Гитлера чуть ли не в каждом кабинете, но ни одной несчастной мензурки. Такое впечатление, что в особняке раньше располагалась какая-то контора, где лысеющие бюрократы в очках и чёрных нарукавниках перекладывали бумажки с места на место. И ради чего мы рисковали, ради чего люди гибли? Пока я задумчиво наблюдал, как рядовой Казакевич полосует штыком портрет фюрера, у меня мелькнула мысль, что наша разведка в очередной раз облажалась и нас направили сюда по ошибке, но я прикусил язык, прежде чем озвучил свои предположения майору Тихомирову; никакую контору с бесполезными бумажками не стали бы так усиленно и отчаянно защищать. Солдаты, мины, «колючка» – всё пригодилось бы для более важных объектов.

– Ищите, братцы, ищите! – рычал выведенный из себя майор, расхаживая по холлу и пиная попадающуюся на пути мебель. – Землю ройте, но найдите лабораторию. Или... вот что – тащите немцев сюда, тех, что ещё дышат. Поспрошаем!

Немцы из охраны особняка нам в плен не сдавались; комнаты, в которых они засели, приходилось забрасывать ручными гранатами. А на тела тех, до кого в траншеях первыми добрались мёртвые «мальчики» и смотреть-то было страшно. Судя по их виду, фрицев банально молотили кулаками и топтали ногами, но проделывали это с таким остервенением, что тела походили на отбивную. Парочку живых среди груды трупов мы всё-таки обнаружили и приволокли в холл первого этажа. У одного пол-лица было разворочено, он мог только нечленораздельно мычать и стонать, но у другого, раненного в туловище, язык должен работать. Мне ещё не доводилось пытаться пленных, но майор, похоже, и не собирался уступать мне эту неприятную работёнку.

Первого пленного дострелили. Со второго сорвали толстую камуфлированную куртку, пропитавшуюся кровью, и усадили на стул,

поддерживая с двух сторон, чтобы не свалился. Майор потрепал немца по заросшей щетиной щеке, что-то спокойно ему втолковывая. Я в немецком не силен, но вроде обещал перевязать и вколоть морфин, если тот покажет вход в лабораторию. Немец молчал, покачиваясь и гримасничая от боли.

– Нож дайте! – бросил майор, не глядя протянув открытую ладонь. Хотя я и понимал, что это вынужденная мера, и от быстро добытой информации зависит успех операции и наши жизни, необъяснимая неприязнь к майору разгорелась с новой силой. Возможно, из-за того, что его действия выглядели привычными, чуть ли не отточенными. Никаких раздумий, никаких сомнений, как и чуть раньше, когда майор добил одного из своих «мальчиков», которого миной почти разорвало надвое. Я бы, может, и сам такого раненого добил, чтобы не мучился, но не так вот сразу – бах и готово. И где майор только успел в допросах с пытками наловчиться? И на ком? Не удивлюсь, если ему нравится это дело, и он изрежет пленного на кусочки даже если тот расскажет, где вход в бункер Гитлера. Ну, давай, начинай уже, мясник белобрысый! Раньше начнём – раньше кончим.

К майору протиснулся наш пожилой сапёр дядя Лёва, но, как оказалось, вовсе не для того, чтобы снабдить оружием пытки.

– Вы, товарищ майор, давеча велели: «Землю ройте», – сказал сержант, задумчиво почесывая подбородок, – так я своим скромным умишком кумекаю – в подвале должна быть лабория ваша. В таком доме непременно подвал имеется.

– Любой бабе ясно, что в подвале! – огрызнулся майор. – Вход! Вход-то где? Не нашли ещё?

– Не нашли, товарищ майор, – спокойно ответил дядя Лёва. – А ежели мы заместо того, чтоб искать, новый вход проделаем, тудыть-растудыть? Взрывчатку зря что ли на себе пёрли? Рванём пол прям тут, значить, где попросторней, а там видно будет.

– А что, это идея, – повеселел майор. – Не могли же они в таком старом доме железобетонные перекрытия сварганить. Добро, сержант, закладывай взрывчатку. Только смотри – не обрушь мне весь дом к чертям! С вас станется, подрывники-любители.

– Мы с понятием, аккуратно, – пообещал командир сапёров и свистом созвал своих молодцев. После краткого совещания они принялись извлекать из своих бездонных вещмешков и раскладывать на полу коричневатые брикеты со взрывчаткой, свёрнутый запальный шнур, детонаторы и прочие принадлежности, знать о назначении которых простым пехотным лейтенантам не положено.

Я взглянул на пленного немца. Его голова почти опустилась на грудь, глаза были закрыты, но всё ещё слышно хриплое дыхание.

– А с этим что будем делать? – спросил я майора. Сейчас, небось, вспомнит, что ему ножа так и не дали.

– С этим? – равнодушно переспросил майор Тихомиров, опрокинув пинком стул вместе с сидящим на нем пленным. – Да ничего, пусть сам подохнет.

Сержант Пойхель

Ох и славно же рвануло, ей-богу, славно! Аж земля дрогнула, и черепица с крыши посыпалась. Я уж думаю – не переборщили ли мы с тротилом? А ну как и правда весь дом обрушится? Майор тогда с меня шкуру спустит. Но нет, пыль осела, гляжу – стоит дом как стоял. На первом этаже всё в пыли и щепках, а в полу, значить, провал метр на метр. На улице ещё не рассвело, а внизу и вовсе тьма кромешная стоит. Хошь не хошь, а придётся туда спускаться. Но сперва, конечно, веревку покрепче привязали, ибо прыгать на три метра в высоту не обучены, а возвращаться тоже как-то надо. Первыми в дыру майоровские штрафники попрыгали, за ними стрелки, а после уж мы, сапёры.

Матвеева нашего, в живот раненого, ясное дело наверху оставили. Перевязали, морфином обкололи, но вряд ли парень выкараб-

кается. Да ещё Мышкина пулей по бедру чиркнуло. Ему это, конечно, как слону дробина, но всё ж ранение есть ранение. Так что я, прежде чем вниз спуститься, Мышкина за плечо хватанул.

– Останься, – говорю, – снаружи со своей адской машинкой. Под землёй и так, небось, дышать нечем, а если ты пальнёшь – мы все окочуримся.

Мышкин и рад, дубина двухметровая, что ему под землю лезть не придётся. Прислонил к стене ранец с огнёмётом и уселся передохнуть. Штаны спустил, бесстыдник, и царапину свою рассматривает.

– За тросом следи, – напоминаю ему, – чтоб не отвязался и не перетёрся. И не зевай, фрицы могут нагрянуть. Ежели что – ори в дыру погромче, а мы потом за тебя отомстим.

А сам думаю: и чего нас всех в подземелье понесло? Пусть бы майор сам-один туда лез и искал, что ему нужно. А мы все снаружи подождали бы. Нет, взяли и будто в театр всей толпой поперлись. Ну и попали... на представление, итить-коптить.

Лейтенант Бондарев

Даже не глядя на сияющее лицо майора Тихомирова, я понимал: мы нашли то, что искали. Нет, дыра в полу первого этажа открывалась не в самую лабораторию, а лишь в длинный прямой туннель с полукруглым сводом, проходящий под всем зданием и, судя по всему, выходящий далеко за пределы его стен. Кирпичная кладка выглядела свежей, насчитывала от силы десятков лет. На ней даже не образовалось привычных для сырых подвалов пятен плесени и мха. Лишь кое-где паутина и слой пыли, да и та по большей части осела после обрушения перекрытия. Лампы под потолком, прикрытые решетчатыми колпаками, тоже выглядели новенькими. Они, конечно, не горели; даже если туннель был освещён до нашего вторжения, взрыв оборвал проводку и перебил ближайшие лампы.

Лучи фонарей не достигали дальнего конца туннеля, зато с другой стороны, метрах в десяти от пробитой взрывом дыры, обнаружилась широкая железная лестница с перилами, полого поднимающаяся к тому самому входу, который мы безуспешно разыскивали внутри особняка. К моему удивлению, вход представлял собой не тесный люк или лаз, а двустворчатые двери в полный рост. Должно быть, с другой стороны их маскировала сдвигающаяся стеновая панель или какой-нибудь книжный шкаф, который мы не сподобились отодвинуть. Стучали и шарили-то в основном по полу. Ох уж эти немцы, подошли к маскировке со своей хвалёной педантичностью. Двери оказались заперты, но вряд ли это станет проблемой для наших взрывников; тротила у них ещё оставалось достаточно. Сейчас же я озадачил сапёров более насущной проблемой:

– Свет бы врубить, а, дядь Лёва?

Сперва я, конечно, приказал бойцам рассредоточиться вдоль туннеля, залечь и внимательно наблюдать за его неисследованной частью. Не ровен час – полоснёт из темноты очередь или прилетит граната от затаившихся в подземелье фашистов.

Когда пятно света от моего фонаря остановилось на сером застывшем лице одного из ходячих мертвецов, я непроизвольно вздрогнул, а язык комом встал в горле. С этими-то что делать? Станут ли они подчиняться моим командам? Мёртвых осталось шестеро, они стояли, привалившись к стене, и безучастно смотрели прямо перед собой.

– Они нас слышат? – шепнул я, придвинувшись к майору Тихомирову. – И понимают?

– Слышат и понимают, но не так чтобы очень, – ответил тот. – Примерно как собаки. Дашь команду «фас!» – пойдут, велишь «фу!» – не пойдут. Сделают то, что я им прикажу, а после замрут на месте, ожидая следующего приказа. Но сам лучше не пробуй, тут умение нужно.

– отошлите их куда-нибудь, товарищ майор, – попросил я. – Люди нервничают, отвлекаются.

С первых минут, как этот отряд мертвецов присоединился к нам, я заметил, что живые неосознанно сторонятся мёртвых. А может и осознанно; я не считал своих подчинённых глупее себя только потому, что у меня звёздочки на погонах. Тем более, многие из бойцов чуть ли не вдвое старше меня, и если не классов школьного образования, то жизненного опыта нахватались побольше моего. В общем, все наши бойцы старались держаться от майоровских «мальчишек» как можно дальше, даже в подземелье, где от стены до стены можно было дотянуться двумя руками. Никто не пытался перекинуться с ними хоть словом, никто ни о чем не спрашивал, хотя глаза, устремлённые на мёртвых солдат, горели от нездорового любопытства. Так смотрят на калек и уродов, не решаясь спросить: как они стали такими? Когда выдастся свободная минутка, я все-таки наберусь храбрости и вцеплюсь в майора с расспросами, как клещ. Но расспрашивать самих мертвецов... нет уж, увольте. Да они и не способны говорить, кажется.

– Люди... – майор скривил рот в неприятной ухмылке. – Эти недавно такими же людьми были.

Встав под немигающим мёртвым взглядом, он сделал движение обеими руками, одной рисуя круг, как бы требуя внимания, а другой указывая направление движения. Жесты сопровождала краткая команда: «Напр-р-раво! Шагом марш!», но, как я понял, умение заключалось именно в жестах. Шестерка мертвецов, как один человек, неуклюже развернулись направо и зашаркали в темноту неисследованной части подземелья. Я отчетливо услышал вздох облегчения кого-то из бойцов поблизости, да и мне самому немного полегчало. Присутствие рядом оживших мертвецов угнетало куда больше, чем вид и даже запах обычных трупов. Эти-то, кстати, почти ничем не пахли, я бы заметил.

Один из сапёров, больше прочих сведущий в электротехнике, осмотрев при свете фонарей и ощупав свисающие с потолка обрывки проводов, пришёл к выводу, что электричество по некоторым из них всё ещё подаётся. Видимо, где-то в лаборатории находился генератор, потому что наверху мы его не обнаружили. А наш штурм

и увенчавший его успех стали для немцев такой неожиданностью, что они не успели уничтожить электрооборудование в подземелье. Оставалось надеяться, что им не удастся сделать это до того, как мы доберемся до лаборатории.

Сапёры протянули новые провода от оборванных концов к ближайшей целой лампе, скрутили их, сопровождая процесс треском, искрами и приглушенной нецензурной бранью. Лампы замерцали, две-три из них, по-видимому треснувшие после взрыва, лопнули. Но остальные понемногу разгорелись и залили пространство туннеля желтоватым светом, кажущемся осязаемым из-за кружащихся в воздухе пылинок. После темноты, рассеиваемой лишь узкими лучами фонарей, освещение казалось превосходным, хотя читать можно было, только встав прямо под одной из работающих ламп. Ну так мы сюда не читать пришли.

Двинулись дальше по туннелю, который не слишком круто, но ощутимо шёл под уклон. По моим прикидкам, преодолев метров пятьдесят по горизонтали, мы опустились на два этажа ниже, чем были. Несмотря на близость реки, кирпич покрывали лишь блестящие капли конденсата, никаких луж под ногами и струящихся по стенам протечек не было видно. Вспотевшее лицо ощущало слабый поток воздуха. Посмотрев на потолок, я увидел, что через равные промежутки между лампами попадают вентиляционные отдушины. Вдоль стен тянулись переплетающиеся жилы кабелей, а также трубы, похожие на водопроводные, с вентилями и манометрами. Честно говоря, химическую лабораторию я представлял несколько иначе, как чистое и хорошо освещённое помещение с выкрашенными в белый цвет стенами, а это подземелье больше напоминало туннель метро, переделанный в тюрьму для особо опасных преступников. Сходство усилилось, когда туннель разветвился на два рукава, в каждом из которых, утопленные в глубокие ниши, маячили двери – толстые стальные листы сплошь в заклёпках, и массивные запоры. И правда, зачем в лаборатории нужны такие прочные запоры с внешней стороны? Слово для того, чтобы не выпускать кого-

то из помещений. Могут ли тут держать пленных? С фашистов станется; кто знает, что за исследования и эксперименты они тут проводили. Над каждой дверью размещалась лампочка без абажура, выкрашенная красной краской. Большинство из них не горели. Химией тут даже не пахло.

Опередившая наш основной отряд шестерка мёртвых не вызвала своим появлением ни стрельбы, ни взрыва мин, из чего я заключил, что туннель на всём протяжении пуст и относительно безопасен. Фрицы выбирались наверх в спешке, им было не до устройства засад или установки растяжек. Но неужели внизу совсем никого не осталось, в помещениях за стальными дверями? Как-то не верится. И работой здесь занимались, конечно, не простые солдаты. Как бы не застрелить ненароком кого-нибудь важного. Словно прочитав мои мысли, майор Тихомиров напомнил о себе:

– Лейтенант, прикажи бойцам разрядить оружие! – вдруг заявил он, озабоченно разглядывая трубы, загибающиеся и исчезающие в стене возле одной из дверей.

Обращался майор ко мне, но остальные бойцы тоже не глухие. По туннелю прошёл недоуменный ропот.

– Потрудитесь объяснить, товарищ майор, – произнёс я, тоже сбитый с толку таким странным приказом. На войне, да ещё при выполнении серьёзного задания, оружие просто так не разряжают.

Майор вздохнул и похлопал ладонью по ближайшей трубе.

– Помнишь, лейтенант, что я говорил про отравляющий газ? – Я кивнул. – Можно лишь догадываться, где и каким образом этот газ производится и хранится. Не говоря уж о прочих опасных веществах и материалах, что могут нам встретиться. Может, вот в этой трубе какая-нибудь гадость под давлением. А, может – в той. Пока не разберёмся где тут что – нужно соблюдать крайнюю осторожность. Одна шальная пуля – и мы все будем кататься по полу, выплёвывая лёгкие. И это ещё в лучшем случае.

Меня передернуло от такой перспективы.

– А противогазы как же? – я похлопал по под сумку с противогазом, которыми нас снабдили перед выходом на задание.

– Могут помочь, а могут и нет. От «циклона-Б» не особо-то помогают. Ты хочешь испытать удачу? В любом случае, утечка отравляющего вещества в двух шагах от реки, текущей через весь Берлин, включая районы, занятые нашими восками, нам совершенно ни к чему. Так что прикажи разрядить оружие, и про своё не забудь.

Помедлив несколько секунд, я повернулся к бойцам своего отряда.

– Оружие на предохранитель!

– Этого недостаточно, – вмешался майор. – Отсоединяйте магазины!

– А воевать чем прикажете?! – возмутился старшина Ковальчук, обращаясь больше ко мне, чем к чужому майору. – Матом?

– Выполнять приказ! – рявкнул на него майор. – Не с кем уже воевать, а если и будет с кем – сапожищами своими запинаете!

Может, в чём-то он и прав. В рукопашной мои бойцы сильны. А штурмовые сапёры дяди Лёвы ещё и страшны.

– Разряжайте, – велел я. – Не ровен час – рванёт что-нибудь – потравимся к чёртовой матери. Наружу вылезем – зарядите обратно.

После небольшой заминки послышалось металлическое клацанье, сопровождаемое охами, вздохами и тихими пожеланиями нам с майором провалиться сквозь землю. Рассовав магазины по подсумкам, сапёры демонстративно повытаскивали свои лопатки, у многих – всё ещё со следами свежей крови. Остальные вооружились финками или перехватили ППШ за ствол, как дубинку.

Сержант Пойхель

Не дело это – в бою без оружия оставаться. Что это за солдат, ежели он без оружия? Смех один. И неважно, что воевать не с кем. Сейчас не с кем, а через пять минут, глядишь, появится. И стой тогда, как дурак, с бесполезной железкой в руках, или ройся в подсумках,

выуживай «консерву»,³ итить-коптить. Я давеча много чего хорошего про сапёрную лопатку сказал, и от слов своих не отрекусь. Да только лопатка не во всех случаях хороша. В темноте и тесноте – тут спору нет. А когда по тебе гвоздят из автомата за полста шагов – поди-ка, добеги до стрелка и заруби его лопаткой.

От пришлого майора, чтоб его скрючило, я, скажем прямо, с самого начала ничего хорошего не ждал. Но наш-то ротный меня шибко обидел такими приказами. Хотя, поразмыслив, я его простил. Офицер он молодой, звания невысокого, а этот майор как-никак из Особого отдела. Считай на звание выше обычного пехотного. Ну и знает про эту лаборию всяко побольше нашего. Может, и правда надо тут поосторожней, не палить направо-налево. Да только зачем же оружие-то разряжать? На нём же пимпочка такая есть, жми ее вниз – и всех делов-то.

Ладно, чего теперь ворчать. Работаем с тем, что имеем. А имеем мы, значить, задачку открыть первую по счёту железную дверь. Работёнка несложная, без взрывчатки обойдёмся. Рядовой Климов – не иначе до войны «медвежатником» был – ломик в щель засадил, проволочкой вокруг поковырялся и говорит: «Готово!». А раз готово – зайти надо.

Тут у двери заминка образовалась – майор со старлеем заспорили, кому первым входить. Лейтенант, значить, говорит: «Коли вы, товарищ майор, один-сам с заряженным оружием – вам и флаг в руки!» А что? Правильно всё сказал. Майор рожу скорчил и ответил матерно, однако ж уступил.

Встали мы по бокам у двери, я слева, ротный справа. А майор, пистолетик свой жалкий из кобуры выпростав, за ручку потянул. Петли, видать, недавно смазывали; дверь тяжеленая, как кусок танковой брони, а распахнулась легко и без скрипа. Никто в майора не выстрелил, хотя не сказал бы, что меня это обрадовало.

– Свет! – слышу крик и тут как тут с фонарем.

³ Дисковый магазин для пистолета-пулемёта Шпагина, действительно напоминающий размерами и формой консервную банку.

В коридоре-то мы свет наладили, а за дверью темно. Кажись, лежит кто-то на полу, в свободной пятнистой накидке, вроде зимнего масхалата – половина белая, половина бурая. Руки-ноги в разные стороны торчат, голова лысая, очки разбитые блестят. Майор первым в дверь прокрался, посмотрел, выпрямился.

– Заходите, – говорит. – Здесь уж бояться некого.

Теперь и я зашёл, посветил фонарем вокруг, рубильник обнаружил. При свете вся картина предстала: в центре комнаты столы стальные, длинные. На них банки-склянки всякие, трубки гнутые, спиртовки и прочая дребедень, значить. А вдоль стены пять трупов, и поодаль ещё пара. Пятеро у стены – в белых халатах. Ну, были в белых, пока их пулями не издырявили, да кровью не испятнали. Почти все в возрасте, кто лысый, кто седой. А двое других – молодые, в чёрной эсесовской форме, с черепами и молниями, как положено. И кровища кругом, целые лужи. Ну и дела! Не надо на офицера учиться, чтоб сообразить: эти двое в чёрном как поняли, что их дело швах – учёных кончили, а после сами застрелились. Во как они боятся в плен к нам попасть!

– Эвон как их, – протягивает майор, на трупы в белых халатах глядячи. – Сперва очередью полоснули, а потом ещё каждому голову прострелили. Обстоятельно. Чтобы уж наверняка не встали...

Видать, шибко жалеет, что не удалось ни одного местного химикатора живым взять. Это ж какое подспорье было бы – мигом всё нужное нашли бы и собрали. А так – ковыряйся теперь наугад, ищи то, не знамо что.

– Ну так что, товарищ майор, – спрашивает ротный, – та это лаборатория?

А этому, по голосу чую, не терпится отсюда выбраться, хоть с трофеями, хоть с голыми руками. И я с лейтенантом по этому вопросу полностью согласен.

Майор вдоль стола походил, бумажки какие-то полистал. Даже из одной склянки понюхал, ей богу.

– Та да не та, – отвечает майор. – Тут поживиться особо нечем. Посмотрим, что за другими дверями.

Расковыряли таким же манером ещё одну дверь. Двери все одинаковые, надписей нет – не знаешь, за какую сперва братья. В этой комнате, слава тебе господи, мертвяков не обнаружилось. А заставлена она вся снизу доверху железными бочками литров на сто, только не обычными жестянками, в коих бензин или дизельное топливо бывает, а толстостенными, с завинчивающимися крышками. Такую бочку, доложу я вам, вчетвером не особо-то поднимешь. Ну, думаю, ежели майор прикажет одну такую бочечку с собой прихватить, до провала-то мы её докатим, а дальше как?

Майор оживился, глазки забежали. Наскоро бочки осмотрел, постучал по ним, открывать или катить не велел. А велел приготовить к подрыву.

– Слушай, сержант, – это он мне, значить, говорит, – ты, я вижу, со взрывчаткой мастак обращаться. Да и ротный тебя хвалил, мол: большой специалист взрывного дела.

Ишь как заговорил, собака белобрысая. Забыл уже, как «подрывниками-любителями» обозвал. Я молчу, пытаюсь понять, куда он клонит. У меня, честно-то говоря, пять с половиной классов образования, и то в сельской школе. Но в сапёрной работе кой-чего кумекаю. На войне жить захочешь – быстро всему научишься.

– Надо бы рвануть так, чтобы свод обрушился, а сами бочки не пострадали. Вроде как вы пол в особняке вскрыли – с понятием, аккуратно. Сможешь?

– Можно попробовать, товарищ майор, – говорю я осторожно. – Прикрепить несколько противотанковых зарядов прямо на потолке – вся сила взрыва вверх, значить, пойдёт, бочки не тронет. Да только как ни взрывавай – раздавит ваши бочки, когда свод вниз ухнет. Тут одних кирпичей сколько, а сверху ещё земля посыплется, опать-копать...

– Ёмкости прочные, должны выдержать. Пусть даже верхний ряд раздавит, но он сыграет роль буфера и нижние уцелеют. Главное, чтобы до них нельзя было добраться, пока наши войска не зачистят весь этот район. А после выкопаем.

– Тогда сделаем, с божьей помощью.

– Сержант, ты что – верующий?

– Я так полагаю, товарищ майор: если там наверху никого нет – то что я теряю? А если кто-то есть, то зачем же портить отношения?

– Как скажешь, сержант, мы тут не на партсобрании – осуждать не стану. Если надо с божьей помощью – я не против. Главное, чтобы я мог на тебя положиться, а с богом ты как-нибудь сам договорись. Приступай к закладке зарядов немедленно, не дожидаясь, пока мы осмотрим другие помещения. Запальный шнур выведи подальше в туннель. Рванем перед уходом.

Почему бы и нет, думаю. Чего время попусту тратить? Чем быстрее всё подготовлю – тем быстрее обратно, на свет божий, выкарабкаемся. Остобенила мне эта лаборатория, растудить её. Злое место, нехорошее. Прямо воздух здесь какой-то гнилой, особенно рядом с этими бочками. И мурашки по коже у меня от них.

Ребята вывалили всё свое барахло на пол, я отобрал запальный шнур, взрыватели и пяток зарядов направленного действия, из тех, которыми танковую броню прожигают, ежели удастся, конечно, к танку вплотную подобраться.⁴ Дай, думаю, выложу их в виде пятиконечной звезды. Хотя с инженерной точки зрения это, безусловно, никакой роли не играет.

Остались мы в комнате вдвоём с Савчуком, остальные вслед за майором ушли. Смотрю я, потолок-то хоть и не особо высокий, а просто так не достанешь, даже если я Савчуку на закорки влезу. Да ещё кирпич шершавый – не удержится на нём заряд просто так. Надобно костыль забить, да провололочкой заряд к потолку подтянуть. И не уронить при этом, а то от нас с Савчуком и мокрого места не останется, итить-коптить. Работа тонкая, придется всё самому. Передвинули мы несколько бочек, чтобы, значить, на них встать и до потолка дотянуться. Не такие уж они тяжёлые, как мне поначалу мнилось; поднять-то вдвоём, конечно, не поднимешь, но по полу кое-как двигать можно.

⁴ Не уверен, применялись ли подобные заряды в нашей армии, но у американцев они точно были. Будем считать, что они могли попасть к нам по ленд-лизу или ещё каким-то путем.

Взгромоздился я на бочку, вниз глянул – невысоко, но голова закружилась. Ещё бы, которые сутки не спавши, не отдохавши. Да и горячка после недавнего боя уже схлынула. Савчук мне снизу инструмент подаёт, я костыли вбиваю и петли из проволочки скручиваю. Четыре «люльки» сделал, пятая осталась. Как на грех – в самом высоком месте, с одной бочки нипочём не достать. Полез я на ряд бочек вдоль стены, что по две друг на друге стоят. Высоко, страшно, но, кажись, стоят прочно, не качаются. Стоя на коленях как раз до потолка достаю.

– Сходи, – говорю Савчуку, – за подмогой. А то грохнусь отсюда вместе с зарядом – грех выйдет.

Ушёл Савчук, а я покуда отдыхаю, на бочке сидючи и ноги свесив. Вдруг чувствую, у соседней бочки, на которую я рукой опёрся, верхняя крышка как будто сдвинулась. Так и есть – прикрутили неплотно, она и елозит по резьбе. Я и думаю: ежели у этих бочек такие хлипкие крышки – взрыв им никоим образом не выдержать, полопаются. Решил из любопытства открутить, глянуть. И вот, значить, на одной бочке сижу, другую раскручиваю. Три оборота – и готово. Зря я волновался – под откручивающейся крышкой ещё одна, приваренная, из такого же толстого железа, что и стенки. Только в серединке маленькое окошко стеклянное поблёскивает. Стекло тоже толстое, броневое. Зачем же это, гадаю, в бочке окошко – на что там глядеть-то?

И дёрнул меня чёрт наклониться да в окошко это заглянуть. Правильно говорят, что любопытство до добра не доводит. Сперва не видать ничего было, только туман серовато-зелёный клубится, значить. А потом как вынырнет из этого тумана рожа. Опухшая вся, сизая, из-под век и через губы гной сочится. Мертвяк, ей богу – мертвяк в бочке! И по виду – двухнедельной давности, только что червяки по нему не ползают. Меня дрожь продрала, как я осознал, что этими бочками полкомнаты заставлено в два ряда, штук пятьдесят, не меньше. А я на одной из них я сижу. И что же – в каждой по мертвяку? Как ни жутко, как ни противно, но решил я всё ж таки повни-

мательней к мертвецу в бочке присмотреться, чтоб не бежать к ротному с бухты-барахты, а честь по чести доложить: мол, обнаружен труп такого-то чина и звания в количестве, значить, пятьдесят штук. И вот, нагибаюсь я к стеклянному окошку пониже, приглядываюсь, а мертвяк, растудыть его, вдруг открывает глаза и на меня в ответ смотрит. И к стеклу резво подался, словно куснуть хочет!

Помню, как отпрянул я и полетел с трёх метров спиной вниз, с криком «ёж твою мееее...!» А как шарахнулся об пол башкой, слава богу в каску облечённой, потерял сознание и завалился в щель между рядами бочек – уже не помню. Но, судя по дальнейшим событиям, так всё и было.

Лейтенант Бондарев

Никто кроме меня, кажется, не обратил внимание на противоречия в желаниях майора. То он беспокоится о возможной утечке газа и требует разрядить оружие, то приказывает заминировать помещение, невзирая на то, что некоторые бочки могут и не выдержать взрыва. Впрочем, если взрыв произойдёт, когда мы удалимся на безопасное расстояние, то я не возражаю. С последствиями вероятного заражения местности и реки пусть разбирается майор Тихомиров, моё дело – захватить лабораторию. И это дело пока не закончено, нас ждало ещё несколько закрытых дверей.

Оставив дядю Лёву и одного из рядовых сапёров ковыряться в комнате с бочками, мы толпой приблизились к очередной стальной двери. Лампочка над ней почему-то горела, но так тускло, что я почти не обратил на неё внимания. Знать бы тогда, о чём она предупреждала...

– Открывайте! – нетерпеливо велел майор. – Время не ждёт.

Сапёры, осмелевшие после того, как за двумя предыдущими дверьми не обнаружилось никого живого, быстро раскурочили замок и потянули створку на себя, не дожидаясь, пока это сделает майор Тихомиров. Неожиданно дверь с силой распахнулась под нажимом с той стороны, сбив на пол двоих бойцов и заставив

остальных инстинктивно отшатнуться. И тут разверзся ад! Сперва в нос мне ударил невыносимо тошнотворный запах разложения. Затем из проема хлынула тёмная шевелящаяся масса, в которой угадывались человеческие головы, тела и конечности, переплетённые, вытянутые или торчащие во всех направлениях. Плотная толпа существ, когда-то бывших людьми, а ныне представляющих собой обнажённые гниющие тела, блестящие от гноя, сукровицы или что там выделяется из разлагающихся трупов, вывалилась из помещения и подмяла под себя нескольких наших бойцов, стоявших ближе других к двери. Раздались отчаянные захлёбывающиеся вопли, но у меня, как и у многих других, перехватило дыхание, и единственный звук, вырвавшийся изо рта, напоминал то ли хрип, то ли стон. Могу поклясться, что я расслышал хруст, с которым зубы существ впивались в плоть.

– Назад! Все назад! – взревел майор Тихомиров. Дважды или трижды грохнули выстрелы из его пистолета. Сама идея была здоровой, но трудновыполнимой. Некоторые солдаты застыли от ужаса, не в силах сдвинуться с места. Другие пытались бежать, но спотыкались о ноги своих остолбеневших товарищей или свои собственные, падали, на них наваливались ожившие мертвецы, образуя чудовищную орущую, визжащую, стонущую и извивающуюся кучу-малу. Кое-кто, то ли в приступе отчаянной храбрости, то ли тронувшись умом, кинулся врукопашную, ещё больше увеличивая воцарившийся хаос и неразбериху.

Будь у меня хоть несколько секунд, чтобы восстановить самообладание и привести мысли в порядок, я бы, конечно, вспомнил о мёртвых «мальчиках» майора Тихомирова и провел бы напрашивающиеся параллели между ними и теми чудовищами, что рвали сейчас на куски мой отряд. И те, и другие были, без сомнения, ожившими или, скорее, оживлёнными мертвецами. Но если майоровские подчинённые вызвали испуг при первом неожиданном появлении, а после пробуждали лишь неприязнь и нездоровое любопытство вкупе с желанием держаться от них подальше, то эти, вывалив-

шиеся из-за двери немецкой лаборатории, приводили в беспросветный первородный ужас без всяких оговорок. Чего стоит хотя бы их состояние. Если наших (да, позже я стал думать о них, как о наших; почему бы и нет – это же погибшие советские солдаты) в темноте или издалека можно было спутать с живыми, но чрезвычайно истощенными, голодными или больными людьми, то с этими никаких сомнений не возникало. Они представляли собой самые настоящие гниющие трупы, распространяющие на десятки метров вокруг «аромат» залежалой мертвечины и даже роняющие при ходьбе осклизлые куски своей плоти. Наши вели себя, можно сказать, смиренно; спокойно стояли, дожидаясь приказа, и даже немецкие позиции атаковали скорее целеустремлённо, чем агрессивно. Эти, не будь они мертвецами, были бы безумцами; не верю и не могу представить, чтобы они подчинялись чьим-либо приказам или совершали какие-то разумные размеренные действия, вроде движения строем в определённом направлении. И они... в это мне тоже было трудно поверить, но я видел собственными глазами – они жрали живых. Не просто кусали, а отрывали и проглатывали куски мяса, норовя добраться до внутренностей.

Всё происходящее заняло времени гораздо меньше, чем требуется, чтобы об этом рассказать. Три-четыре секунды – и ситуация вышла из-под контроля (собственно, это произошло в тот самый момент, как распахнулась дверь под горящей красным лампочкой), туннель оказался заполнен месивом из отчаянно голосащих и безуспешно отбивающихся солдат, каждого из которых окружили три-четыре мертвеца, вцепившихся в свою жертву и, утробно рыча, рвущих ее на части.

Кто-то с силой рванул меня за воротник и вытащил из толпы раньше, чем мертвец, который с голодным блеском в глазах протягивал ко мне скрюченные конечности, успел меня коснуться. Я всё ещё сжимал в руках бесполезный разряженный ППШ и бормотал что-то невразумительное. Обмякнув, как тряпичная кукла, я позволил майору Тихомирову тащить меня за собой, кое-как перебирая костылями, в которые превратились мои ноги.

Лишь после того, как захлопнулась массивная стальная дверь, разделившая нас и оставшийся в туннеле ужас, и майор задвинул засов, я смог втянуть через открытый рот воздух и начал орать. Сильная пощёчина от майора более-менее привела меня в чувство.

Мы были во втором по счёту открытом помещении, там, где вдоль стен громоздились ряды здоровенных железных бочек. Кроме меня и майора не спасся никто. Хотя... из-за двери мне послышался шорох.

– Остальные! – прохрипел я, протягивая руку к засову. – Нельзя их бросать!

Тихомиров легко перехватил мою руку и оттолкнул подальше от двери.

– Поздно! Им уже не помочь. Если кто-то и выскользнет – пусть ищет убежище в другом месте, иначе вся эта кодла прорвётся сюда.

Мой ужас сменился яростью.

– Вы! Вы отдали приказ разрядить оружие! Это из-за вас!..

– Охолони, лейтенант. – произнёс майор, не слишком-то впечатлённый моей вспышкой. – Да, может, я и перегнул палку. Но ты сам подумай головой: будь у твоих людей заряженные автоматы, точь-в-точь, как у немцев снаружи – сильно бы это им помогло? Скорее друг друга постреляли бы в неразберихе. Это ж мертвецы, ты уже в курсе. Им пока башку не прострелишь насквозь – не успокоятся. А в голову ещё попробуй попади, когда они на тебя толпой валят.

– Такие же мертвецы, как ваши? Нет, не такие же. Почему они отличаются? Те не были... такими... такими жуткими. – Я чувствовал себя человеком, с серьёзным видом обсуждающим особенности поведения, допустим, Лиха Одноглазого или Кашея Бессмертного. Вот только в нашем случае сказка оказалась столь же реальна, как четыре года войны, которые я пережил, но страшнее, чем любой бой, любой штурм. Страшнее, чем возможное ранение, плен, пытки и расстрел.

– А почему бешеная собака отличается от здоровой? – был ответ. – Почему гнилое яблоко отличается от свежего? Мозг начинает разрушаться сразу после смерти. Чем больше проходит времени –

тем меньше в нем остаётся человеческого. Ты видел это гнильё – можешь представить, что творится у них в черепашках.

– А ваши, значит, свеженькие.

Тихомиров кивнул.

– Свеженькие, послушные. Такое ощущение, что они сохранили некие остатки прошлой личности. Полноценное оживление, к сожалению, невозможно – так что я бы тебе не советовал записываться добровольцем на участие в этих экспериментах. Ученые пока могут вернуть к жизни лишь то, что ты уже видел. Да какая это жизнь, так, слово одно...

Майор сел, привалившись спиной к одной из бочек, вытянул ноги.

– Что делать-то будем, товарищ майор?

– Думать, как жить дальше. Здесь мы в безопасности... пока. Но добраться до выхода из туннеля вряд ли будет просто. Похоже, операция наша того... накрылась. Вернее, операция удалась, но больной умер. Ох, как Лаврентий будет недоволен...

«Это про какого же он Лаврентия, – подумал я. – Неужели про того самого?»

– Ага, тот самый, – кивнул, угадав мои мысли, Тихомиров. – Не уверен, что бы я предпочёл: схватиться с этими, – он ткнул пальцем в сторону железной двери, – или оправдываться перед этим, – майор поднял палец к потолку.

– И какого ж лешего понадобилось вам с Лаврентий Палычем в этой лаборатории, если вы и без того умеете оживлять трупы, да ещё делать из них послушных солдат? – спросил я. – Разбомбили бы её просто, и дело с концом. Ведь эта история про отравляющий газ, что немцы планируют подать по трубам в центр города, была липой для меня и комбата. Не могли же вы нам всю правду вывалить – про мёртвых и прочее.

Майор вздохнул.

– Нравишься ты мне, Дмитрий. Сразу понравился. Из тебя толк выйдет, если только научишься когда надо язык за зубами держать, а когда надо – вопросы задавать. Вот сейчас как раз такой момент.

Только имей в виду, я тебе расскажу то, что ты хочешь знать, по двум причинам. Первая: шансов выбраться отсюда живыми у нас не так чтобы очень много, так что всё сказанное может не покинуть этих стен. Вторая: если выживем – придётся тебе перейти под моё начало. Парень ты смыслённый и смелый, нам такие нужны. Тебе, небось, про Особый отдел наговорили, мол, палачи, живодёры, к своим относятся хуже, чем к фашистам. А мы там, как и ты и бойцы твои, ради победы стараемся... Ну ладно, не буду тебя сейчас обрабатывать, со временем сам поймёшь, не дурак. Есть ещё третья причина: кроме как думать над выходом из нашей непростой ситуации, заняться мне решительно нечем. Отвечая на твой вопрос: то и понадобилось, чем тут занимались. Не умеем мы с Лаврентием трупы оживлять. Вернее, умеем, но не очень...

– Так, стоп, – прервал я его. – Давайте с начала. Кто придумал оживлять мёртвых – мы или немцы?

– Немцы, – признал майор. – Им принадлежат все «заслуги» в этой области.

– А откуда же ваши...? – Мне не хотелось больше использовать слово «мальчики». Не после того, как другие подобные «мальчики» сожрали мой отряд.

– Можешь называть их «объекты» или «подопытные». К нам в руки случайно попал груз, состоящий из трёх бочек, наполненных неизвестным газом, и кое-какой документации, не содержащей, к сожалению, ни формулы, и технологии производства. Лишь инструкции для использования в полевых условиях. «Поместите объект А в бочку Б, закройте крышку, подождите...». Я утрирую, конечно, но в общих чертах процесс оживления происходит таким образом. Также, в документах содержались указания по базовому контролю – ты видел, объекты подчиняются, выполняют простые приказы. Но газ, его формула – ключевое звено. Без него ничего не выйдет. Я надеялся раздобыть формулу и оборудование для производства здесь. А так мы могли лишь немного поэкспериментировать с содер-

жимым тех трёх бочек. Их хватило для создания пятнадцати объектов. И, нельзя не отметить, наш эксперимент получился более удачным, чем у немцев.

– Потому что вы использовали свежий материал, – хмуро напомнил я.

– Совершенно верно.

– Неужели немецкие ученые за всё время исследований не додумались до столь простого решения, которое сразу пришло в голову нашим солдафонам?

Майор Тихомиров пожал плечами, словно не желая продолжать разговор на эту тему, но меня уже было не остановить.

– Насколько свежими были эти ваши «объекты»?

– Скажем так, – со вздохом произнёс майор после долгой паузы, – у нас и у немцев было принципиально разное отношение к тому, в какой момент следует приступать к эксперименту: до или после смерти человека.

– Вы... вы травили этим газом живых? – сообразил я. Моё сердце сжалось, словно сдавленное холодным железным кулаком. – Засовывали людей в эти бочки живьём? Это бесчеловечно!

– Это сработало, – ответил майор. – Ты видел объекты в бою, ты можешь представить, на что способна рота, полк, дивизия таких существ. К сожалению, они не могут пользоваться огнестрельным оружием, да и координация движений хромает. Но если удастся преодолеть эти «детские болезни», наша страна получит поистине непобедимую армию.

– Зачем? Зачем нам армия мертвецов? Война уже близится к концу.

– Там, – палец майора вновь поднялся к потолку, – думают о следующей войне. А она будет, можешь не сомневаться. Наши сегодняшние союзники – американцы, англичане – спят и видят, как бы запустить когти в нашу ослабленную после войны Родину. Но их будет ждать сюрприз.

– Вы чудовище, товарищ майор! – громко и чётко заявил я, встав напротив него. – Вы и все те, кто проводил эти эксперименты. Все те,

от кого вы получали приказы, вплоть до Берии. Неужели вы думаете, что вам долго удастся сохранять тайну этой вашей непобедимой армии? Вы думаете, американская или английская разведка не смогут проделать то же самое, что и вы? Через год армии мертвецов появятся по обе стороны фронта. В итоге всё кончится тем, что мертвецы устанут сражаться с мертвецами и решат, что проще пожирать живых. И вы считаете, что я соглашусь помогать вам? Соглашусь стать одним из вас?

Майор помедлил с ответом. Пистолет, который он перезарядил и убрал в кобуру в начале нашего разговора, вновь оказался в его руке. А у меня пробежал холодок по спине, когда я вспомнил, что так и не подсоединил магазин к автомату. Не сообразил. И кто меня тянул за язык с этой пафосной обвинительной речью? Надо было хотя бы притвориться, что я на одной стороне с майором.

– Я много чего думал и считал, – сказал майор. – В том числе, я просчитывал возможные итоги нашего разговора. Что ж, твоя реакция, Дмитрий, меня разочаровала. Но не удивила. Если не удастся сделать тебя помощником и соратником, ты пригодишься мне в другом качестве...

Раздался выстрел, и по моей ноге выше колена словно ударили тяжёлым молотком. Через секунду её пронзила острая боль, нога подогнулась, и я рухнул на пол. Беспольный автомат с дребезгом отлетел в сторону. За годы войны меня раза три цепляло небольшими осколками в спину, плечо, мякоть бедра, но пулевое ранение я получил впервые. Когда пуля, пусть даже пистолетная, а не винтовочная, задевает кость и вырывает из ноги кусок мяса, повисающий на тонкой полоске кожи – это охренительно больно. Минуту или около того, валяясь на полу и зажимая сквозную рану, я мог думать только об одном: как же, блять, это больно! Потом, когда боль немного притупилась, я подумал о том, что, возможно, мог бы проташиться, хромая, несколько шагов. А вот бегать смогу нескоро. Это если я вообще останусь в живых, в чём я сильно сомневался.

– Что, майор, стрелять разучился в этом своём Особом отделе?
– сквозь зубы прошипел я, надеясь, что так не заметна дрожь в голосе.

Майор Тихомиров не спеша поднялся на ноги. Пистолет он по-прежнему держал направленным на меня, хотя мне, чтобы встать и наброситься на него, понадобилась бы помощь пары дюжих санитаров и костыли.

– Думаю, стоит попытаться добраться до выхода, пока ещё сохранились силы, – задумчиво проговорил он. – Бегун я неважнецкий, но шансы значительно возрастут, если кто-нибудь отвлечёт внимание объектов. Они, видишь ли, испытывают непреодолимое желание нападать на живых и пожирать их мясо. А мёртвые их совсем не интересуют. Поэтому мёртвым ты мне бесполезен, а вот в качестве живой приманки – другое дело.

Приблизившись, майор схватил меня за воротник и спиной вперед поволок к двери. Я пытался извернуться и ударить его в пах, но всякий раз он уворачивался. Каждая такая попытка вызывала новую вспышку боли в раненой ноге, и я быстро ослабел, в глазах поплыло.

– Не обессудь, лейтенант. Шанс я тебе дал, ты им не воспользовался...

– Сукин ты сын! – задыхаясь, выдавил я.

Майор ничего не ответил. Наверное, был согласен с таким определением. Или, может, думал о том, что быть живым сукиным сыном лучше, чем мёртвым героем.

Сержант Пойхель

Темнота кругом стоит, хоть глаз выколи. Потом гляжу я, в крошечной тьме желтоватое пятно расплывается. Э, нет, думаю, на тот свет мне ещё рановато. Хотелось бы пожить, победу нашу увидеть, да и домой вернуться. И башка, ежели здраво рассудить, в загробном мире не должна так трещать, словно она пополам расколота. Разлепил глаза и снова зажмурил – прям надо мной лампа светит. Мало-помалу припомнил, как я с бочек сверзился. Странно, а чего

же это я валяюсь в полном одиночестве, неужто Савчук до сих пор не вернулся? Или, может, мне только кажется, что я надолго отключился, а на самом деле всего минута миновала? И почему такая тишина стоит? Впрочем, насчет тишины это я поспешил с выводами; заговорил кто-то неподалеку: бу-бу-бу. Прислушался – голоса знакомые, ротный наш да майор-особист. Хотел я было подняться, да чувствую – завяз между бочками, как та лиса из байки, что за зайцем гналась и меж двух берёз застряла. Еле руку выпростал да за край бочки уцепился. На помощь звать как-то совестно; сам, думаю, как-нибудь выкарабкаюсь.

А у этих двоих тем временем серьёзный разговор идет, про мертвецов что-то, про газ в бочках и про такое, о чем и подумать-то страшно. Тут меня будто снова по кумполу шарахнуло – вспомнил, какое страховидло на меня из бочки уставилось. А теперь такие же бочки меня со всех сторон сдавили; как представил, что в каждой по мертвяку ворочается, и между ними и мной только железка в палец толщиной – от омерзения аж завопить захотелось. Что же тут такое делается, в лаборатории этой? Не химией фрицы тут занимались, отнюдь.

– Вы чудовище, товарищ майор! – старлей чуть не на крик перешёл. И давай майора дальше чихвостить.

Интересный оборот у них там дела принимают, того и гляди подерутся. А раз так, надо бы вмешаться. И я с удвоенной силой на свет божий полез. Выпростался, наконец. Руками вокруг пошарил – автомата нет нигде; оставил внизу, когда на бочки влезал, а где – не помню. И курить отчаянно хочется, да некогда.

Тут выстрел как грянул, у меня аж сердце в пятки ушло. Неужто я промешкал, ептить-колотить? Ну уж извиняй, старлей, спешил как мог. Выглядываю из-за бочек осторожненько, чтоб самому под следующий выстрел не подставиться, гляжу – живой наш ротный, в ногу пулю словил. А майор, гадина такая, поглумился над ним словесно, а затем хватить за шиворот – и к двери тащит. Что происходит – не пойму никак, мозги ещё толком не работают, но сердцем чувствую – надо что-то делать. И я, значить, лопатку свою верную из-за пояса

вытягиваю, на цыпочках к майору со спины подскакиваю – и р-раз его по голове белобрысой. Аж брызги веером полетели.

Майор на пол грянулся и лежит себе, скучает. Я пистолетик-то его подобрал, пригодится. Потом, значить, старлеем занялся, перевязал его, как сумел. Рана кровит здорово, через бинт враз пятно проступило, но жить будет. Ежели не помрёт, конечно.

– Как же я рад тебя видеть, дядя Лёва, – улыбается лейтенант, а у самого слёзы на глазах.

– Где ж все остальные-то, командир? – спрашиваю.

– Нету. Погибли все. Только мы с тобой и остались, да ещё гнида эта, – лейтенант здоровой ногой майора в бок пихнул. Тот лежит смирно, будто помер.

У меня челюсть отпала. Получается, пока я без чувств валялся, всё наше отделение вынесли, а я ни сном ни духом...

– Мне этот майор сразу не понравился, – говорю. – Надо было его раньше грохнуть.

– Надо было, да кто ж знал, – вздыхает ротный. – Ты ведь слышал, он из меня хотел приманку для мертвецов сделать, чтобы самому убегать сподручней.

– Ох, чего я только не слышал – ум за разум зашёл. Это что ж, получается, с мёртвыми теперь воюем? И как же с ними воевать, ежели они мёртвые?

– Не знаю, дядь Лёва, не знаю. Наши все отвоевались, не успел я и глазом моргнуть.

– А те, что из реки вылезли, – соображаю я, – тоже мёртвые?

Лейтенант кивает.

– Тёмная история. Влопались мы в неё по самые уши. Лучше бы я не знал ничего ни про этот отдел «Зет», ни про мертвецов оживших, и с майором бы этим никогда не встречался. Лез бы сейчас на Рейхстаг под шквальным огнём и в ус не дул.

– Ну, какая б ни была история, – говорю, – а нам надо как-то отсюда выбираться. Не вечно же здесь куковать.

– Нога-то у меня... – говорит старлей. – Может, ты один как-нибудь, дядь Лёва? Мертвяки эти ходят не особо быстро, если повезёт – бегом улизнёшь. А там влезешь по тросу – и был таков.

Мне такой расклад как-то даже в голову не приходил. И без того совесть грызёт, что пока мои ребятки гибли я бока отлёживал.

– Ну, ещё чего выдумашь, командир? – отвечаю. – Я тебя тут не брошу, оптать-копать. Выбираться – так вдвоём. Ну-ка, подымайся, обопрись на меня. На ногу пока не ступай, побереги ногу-то. Вот ежели бежать придётся, тогда зубы стисни и терпи, значить.

Лейтенант Бондарев

Опираясь на жилистое плечо сапёра, я доковылял до двери, остановившись по пути, чтобы подобрать и зарядить автомат. Но когда оставалось лишь отодвинуть засов и выйти в туннель, меня накрыло волной страха, поджилки затряслись мелкой дрожью, так что я даже на время забыл о боли в простреленной ноге. В памяти вновь ожила картина гибели моих бойцов в схватке с кровожадными мертвецами, повалившимися из-за двери под тревожной красной лампочкой. Да, теперь-то я более чётко понимал, с кем придётся иметь дело и, думаю, мне не грозила перспектива беспомощно застыть на месте с открытым ртом и выпученными глазами. Но...

– Пстой-ка, дядя Лёва, – попросил я. – Давай перекурим что ли.

– Ты ж не куришь, командир, – удивился сапёр, но угостил самокруткой и поднёс огоньку.

– Сдаётся мне, самое время начать, – пробормотал я. Затягиваться не стал, боясь закашляться, просто за компанию подержал тлеющую самокрутку во рту. Мне нужна была минутка, чтобы собраться с духом.

Если подумать, главное, что позволяло мёртвым так легко одолевать живых – парализующее чувство ужаса от столкновения с неизведанным и не укладывающимся в голове. Плюс эффект неожиданности. Ну и невероятно омерзительный облик с соответствующим запахом, конечно. Любой нормальный человек просто теряется

и впадает в панику, когда на него прямой наводкой прёт такое уродство.

После откровений майора Тихомирова у меня в голове более-менее улеглось понимание, что «объекты» – это бывшие, умершие, оживлённые неким газом с секретной формулой, но всё-таки люди. Не демоны, вынырнувшие из придуманной религией преисподней, и не упыри-вурдалаки из гоголевского «Вия». Когда-то эти люди обладали разумом и личностью, разговаривали, испытывали чувства... У многих из них, наверняка, остались близкие, оплакивающие гибель или пропажу без вести отца, мужа, сына. Если б не ошеломляющая кровожадность, то я, пожалуй, даже испытал бы к ним сочувствие. Не позавидуешь человеку, из которого такое сотворили, особенно если он сохранил хоть крошечную долю памяти о том, кем был раньше, и осознаёт, что теперь он живой мертвец.

Но воспоминание о том, как мертвецы яростно рвали зубами и глотали плоть живых, заставляло ужас вытеснить все прочие чувства. Я согласился бы проползти сотню метров по уши в дерьме, лишь бы не возвращаться в туннель, где бесславно погибли мои бойцы. Но единственный выход, не считая слишком узких вентиляционных отдушин, пролегал через металлическую дверь. И сколько перед ней не стой, борясь со страхом, рано или поздно придётся выйти.

– С богом, – тихо произнёс сержант, затоптал окурок и легонько толкнул дверь от себя.

Сержант Пойхель

За дверью было так пусто и тихо, что я на секунду даже усомнился, что все наши там полегли. Вот сейчас, думаю, раздадутся шаги, голоса, смех и ребятки появятся из-за угла, довольные, что навели страху на своего сержанта. И старлей, улыбаясь, хлопнет по плечу и скажет: «Ну ты даешь, дядь Лёва! Мертвецов испугался, небось в штаны навалил». Но нет, не скажет так лейтенант. Во-первых, человек он серьёзный и вежливый, к дурацким розыгрышам не склонный. А во-вторых, такими вещами вообще не шутят!

Возле двери в коротком коридорчике и правда пусто, а за угол повернули – гляжу, кровь лужей разлилась. А ещё чуток подалее – тела громоздятся. И на тела эти, доложу я вам, без содроганья смотреть невозможно. Прямо, можно сказать, в клочья изорваны, итить-коптить. Только по сапогам и видно, что бойцы наши, а кто есть кто – уж не разобрать. У некоторых лица как будто объедены, ни глаз, ни носа, ни ушей...

Старлей плечо моё стиснул и молча на что-то указывает. Гляжу – шевелятся некоторые из тел-то. Ползают на карачках, будто ищут что-то. Неужто есть выжившие? Если кто и выжил, то, небось, с такими ранениями, что долго не протянет. И чем им помочь – ума не приложу. А потом я пригляделся – не наши это. И даже не из майоровских штрафников. Голые, гнилые, так что даже кожи не осталось, и на людей-то не похожи. Ползают и... кажись, чавкают.

Мы тихонечко, шажочек за шажочком от них подальше отходим. А те, слава богу, на нас внимания не обращают, занятые своим отвратным делом. Но, смотрю я, ещё несколько мертвяков по туннелю разбрелись. Которые в дальнюю от выхода сторону направились, а которые и наоборот. И никак нам их незаметно не миновать. Будь я один – может, проскочил бы; мертвяки и правда неуклюжие, а туннель широкий. Но на плече лейтенант повис, всё равно что одноногий. И даже коли прорвёмся – они ж всей толпой за нами устремятся. А как я, спрашивается, буду и сам по верёвке из дыры лезть и командира тащить? Нужно нам непременно как-то этих чудищ отвлечь и минутку-другую выиграть.

– Не пройти нам вдвоём, – шепчет старлей, ППШ вздымая. – Нипочём не пройти. Беги, дядь Лёва, а я тебя прикрою. А потом как-нибудь обратно доковыляю и дверь за собой запру.

– Стой, – ему говорю. – Они ж на выстрел враз встрепенутся. И меня погубишь и сам сгинешь. Ты, командир, присмотришь-ка лучше вон к тому типчику, видишь?

И показываю ему знакомую фигуру – один из штрафников тоже по туннелю слоняется, ногой за ногу цепляется. И мертвяки, что интересно, на него ноль внимания. Умом-то я теперь понимаю, что этот

бледный хлыщ и его товарищи, которых я поначалу за лагерных доходяг принял, такие же мертвецы, разве что посвежее. Но не могу заставить себя о них как о врагах думать. Мы ж, как-никак, вместе немецкие позиции штурмовали, по одну сторону воевали. Они на минах подрывались, которые иначе бы половину нашего отряда выкосили. Они на проволоку бросались, которую иначе мне бы пришлось под пулемётным огнём резать. Словом, может, это и мертвяки, но это наши мертвяки.

– Ну, вижу, – тянет старлей. – Это ж...из тех, майоровских... – и замолк, видать, с полуслова понял, куда я клоню. Давай, командир, вспоминай как майор-особист с ними общался, ты ведь тогда рядом был.

Лейтенант Бондарев

Я осторожно, стараясь не напрягать раненую ногу, наклонился и подобрал с пола отслоившийся кусочек кирпича. Примерился и кинул его под ноги мёртвому. Тот медленно поднял голову и уставился на нас с дядей Лёвой. Я замер, вцепившись в плечо пожилого сапёра. Если я ошибаюсь и объект из майоровского отряда поддался тем же силам, что заставляют других мертвецов нападать на живых, то нам крышка. Впрочем, сапёр-то, может и убежит. А я живым не дамся – буду целиться в головы и стрелять, пока смогу, а потом ствол в рот и прости-прощай. Главное – в горячке все патроны не расстрелять.

Мёртвый солдат приблизился. Он не проявлял агрессии, выглядел таким же безучастным, как и раньше. Я обратил внимание, что на его лице вокруг рта не было следов крови – значит, в оргии людоедов участия он не принимал. Наверное, и остальные «мальчики» тоже не любители пожрать человечинки. Это хороший знак. Плохо было то, что я понятия не имел, как с этими существами общаться или отдавать им приказы. Да, я видел, как это делал майор Тихомиров, но много ли отложилось в голове? У меня тогда мысли были другим заняты – как бы штаны не намочить.

Я повесил автомат на плечо, потому что одной рукой держался за плечо дяди Лёвы, а другая была нужна мне свободной. Мертвец не сдвинулся с места, не напал, лишь буравил меня взглядом немигающих тусклых глаз. Я нарисовал в воздухе перед его лицом круг, видимо, это должно означать: «Внимание на меня! Слушай мою команду!». А дальше-то что? Я не знал. Мёртвый солдат терпеливо ждал, не дыша, не переминаясь, лишь слегка покачиваясь.

– Браток, – слышался шепот сержанта, – Ты бы помог нам, а? Отвлеки тех, гнилых, если сможешь. А мы быстренько улепетнём. Помоги, как друга прошу. Ты ж наш, советский человек... был.

«Не сработает, – подумал я. – Майор говорил, что они почти не понимают человеческую речь, команды нужно отдавать жестами, и то умеючи».

Может, команды и правда следовало отдавать исключительно жестами. Может, соображалка у этих мертвецов, какими бы свежими они ни были, работала не лучше, чем у собак. Но иногда даже собака без приказов и команд понимает, что её хозяин в беде и нуждается в помощи. Я почти уверен, что в глазах мертвеца промелькнуло понимание. Может, лишь смутная тень понимания, но и этого достаточно. Вопрос сейчас был в другом: согласится ли он помочь?

Мертвец на редкость нескладно сделал «налево-кругом» и направился к компании из десятка гнилых трупов, преграждающих нам путь к выходу. Я не мог поверить нашей удаче. Теперь только бы нога не подвела; я чувствовал, как кровь просачивается через бинты и по капле скатывается в сапог.

Приблизившись к другим мертвецам, наш спаситель разогнался, насколько это было для него достижимо, и врезался плечом в распухшее голое тело. Оно не удержалось на ногах, но, падая, издало что-то похожее на возмущённое хрюканье. Другие гнилые явно забеспокоились, но нас они не замечали. Между тем, появились ещё двое майоровских «мальчиков», которые то ли сообразив, что от них требуется, то ли, скорее всего, инстинктивно повторяя действия своего товарища (возможно, они верили, что тот получил приказ), тоже стали наталкиваться на чужих мертвецов. С стороны это выглядело,

словно петушинные наскоки малолетних хулиганов: «Ты кто такой?! Нет, ты кто такой?! А ну вали в свой двор!» Я чуть не прыснул со смеху, вовремя сообразив, что это будет последний смешок в моей жизни.

Среди мертвецов уже завязалась настоящая потасовка. Но если наши, на помощь которых мы возлагали надежду, ограничивались толчками и иногда неуклюжими ударами, то их протухшие соперники не постеснялись пустить в ход зубы. Мало-помалу мертвецы входили в раж, вокруг разлетались куски одежды, а затем и плоти.

– Не зевай, командир! Ножками топ-топ! – дядя Лёва подставил плечо и поволок меня по туннелю мимо кучи сцепившихся в яростной схватке тел. Поразительно, но нас не заметили. Лишь один из наших, тот самый, с которым я пытался наладить контакт, махнул рукой, мол: «Уходите скорей!». В следующую секунду его повалили трое гнилых, погребли под собой, стали терзать.

Сделав шагов двадцать, я обернулся и едва не зарыдал от отчаяния – гнилые мертвецы, пользуясь своим численным превосходством, одолели всех наших помощников и теперь вставали, глядя нам вслед и, без сомнения, собираясь пуститься в погоню.

– Ходу! Ходу! – уже не понижая голос заорал сержант-сапёр, волоча меня, как набитую тряпьём куклу. Моя нога совсем отказала. Я сорвал с плеча ППШ и, удерживая автомат одной рукой, выпустил длинную очередь веером. Кажется, несколько пуль попали в цель даже при таком варварском способе стрельбы, но результаты были ничтожны.

На ум мне пришли школьные задачки про пешеходов и велосипедистов, движущихся в одном направлении, но с разной скоростью. Ну, вы знаете: «Через сколько велосипедист догонит пешехода?» В нашем случае ответ на задачку звучал бы так: «Пешеход с простреленной ногой будет неминуемо съеден через n минут».

И тут случилось ещё одно чудо, во всяком случае, я был готов воспринять его как вмешательство свыше. На пороге того хранилища с бочками, которое покинули мы с сержантом, возникла напря-

жённо вытянувшаяся фигура. В некогда начищенных, а теперь измазанных грязью сапогах. С когда-то светло-русыми, а теперь слипшимися от крови волосами. Сейчас человек был облачён в ватник цвета хаки, но ещё недавно я видел на его плечах погоны с большими майорскими звёздами.

Несмотря на удар сапёрной лопатки, раскроивший ему голову, майор Тихомиров был полон решимости выложить свой последний козырь в этой игре. Не знаю и знать не хочу, какие мысли вертелись сейчас в его окровавленной голове. Всерьёз ли он хотел попытаться взять под свой контроль неуправляемых, ведомых лишь безумной жаждой крови и плоти мертвецов? Стремился ли он любой ценой завершить и выполнить задание, заслужить похвалу страшного очкарика, желающего создать непобедимую армию для завоевания всей Европы? Или появление майора в финале пьесы было лишь нелепым и отчаянным жестом, выходкой оглушённого человека, не отдающего себе отчёт в своих поступках? Или, как ни трудно мне в это поверить, майор сознательно пришёл на выручку к нам с дядей Лёвой, принёс себя в жертву, чтобы дать нам шанс спастись? Сыграл ту самую роль приманки, которую первоначально уготовил мне. Это известно лишь самому майору.

Для нас же главным стало то, что когда майор Тихомиров превосходно поставленным командным голосом рявкнул: «На месте стой! Равняйся! Смирно!» мертвецы и правда оторопело замерли, сбитые с толку. Следом последовал полный задора возглас: «Песню за-а-а-певай!» и майор заорал прямо в морды-лица надвигающихся на него мертвецов: «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!..».

Я больше не мог тратить ни секунды, чтобы проследить за судьбой майора Тихомирова. Отвернувшись, я опёрся на дядю Лёву и захромал дальше по туннелю со всей скоростью, что позволяла развить моя онемевшая и подгибающаяся нога. Слова песни оборвались, их сменили урчащие и чавкающие звуки.

Ещё несколько десятков мучительных, словно пытки, шагов и впереди замаячило пятно света, падающее из пробитой взрывом

дыры. Снаружи уже давно рассвело. Над нами теперь была не толща земли, отделённая кирпичной кладкой, а деревянное перекрытие первого этажа особняка.

Сержант довёл меня почти до свисающего через дыру троса и принялся торопливо шарить по карманам. Я увидел в его руках коробок спичек – уж не курить ли он собрался? Рано ещё перекур устраивать – из туннеля доносились шаркающие звуки шагов. Мертвецы неумолимо шли за своей добычей. Но вслед за спичками из необъятных карманов сапёра появился полукилограммовый брикет тротила со вставленным детонатором и коротким, с гулькин нос, запальным шнуром.

– Берегись, командир, сейчас малость тряханёт! – оставив меня стоять на одной ноге под дырой в потолке, дядя Лёва бросился назад в туннель. Запальный шнур весело искрился, как новогодние бенгальские огни. Отбежав шагов на десять, сапёр что было сил метнул взрывчатку в глубь туннеля и упал ничком.

Сверкнула яркая вспышка, громом ударило: «Та-дыщ!!!». Взрывной волной меня сбило с ног, вернее, с одной ноги. Глаза запылило пылью. Оглохнув от взрыва, я уже не слышал, как обрушился свод туннеля, но почувствовал тяжкую рокошущую вибрацию. Погас и без того тусклый свет нескольких электрических ламп, остался лишь тот, что проникал через дыру.

Передо мной из облака пыли предстал ухмыляющийся до ушей взрывник, с ног до головы покрытый кирпичной крошкой и со щекой в рассечённой осколком. Я скорее прочитал по губам, чем расслышал крик дяди Лёвы:

– Трындец туннелю, командир! Завалило к такой-то маме! Рас-тудыть его туда и оттуда!

Я только рукой махнул, мол, завалило – ну и хрен с ним.

Дядя Лёва без спешки и суеты взобрался по верёвке наверх, чтобы затем втащить меня. Я услышал, как он охнул и выругался, но сперва не понял по какому поводу. Лишь перевалившись, как куль, через край дыры, и переведя дух, я выяснил причину расстройства сержанта – великан-сапёр со смешной фамилией Мышкин лежал

лицом вниз у дальней от входа стены. Кровь, собравшаяся в лужу под его телом, уже загустела. Другой оставленный нами раненый тоже был мёртв, он лежал, устремив незрячие глаза в потолок и прижимая руки к животу.

– Кто же это его? Неужто снайпер?

Уж точно не подкрепление, подошедшее к немцам – они бы спустились в туннель, дождались, пока мы вылезем из дыры или, наоборот, перерезали бы трос. Разгадка гибели Мышкина нашлась в нескольких метрах от его тела, где лежал тот самый немецкий солдат, которого собирался резать ножом майор Тихомиров, пытаясь, где находится вход в отдел «Зет». Впопыхах никто не удосужился его добить, сочтя ранение и без того смертельным. Оружие то у немцев мы собрали и сложили в одном из пулемётных гнезд, завалив сверху досками и камнями, но у раненого оказался припрятан маленький карманный пистолетик, так и оставшийся зажатым в мёртвой руке.

Жалко Мышкина, глупо погиб. Но внизу в подземелье навеки остались полтора десятка таких же бойцов, смерть которых была далеко не такой быстрой и куда более страшной, болезненной и глупой. Их мне тоже было жаль. Как и тысячи солдат, которым ещё только предстояло погибнуть в боях за освобождение Берлина, прежде чем эта война, наконец, закончится.

К счастью, последний взрыв, обрушивший туннель, не повредил мне барабанные перепонки, и спустя несколько минут слух восстановился. И тут по моему телу пробежали мурашки, потому что я слышал снизу, из дыры, ведущей в туннель, знакомые скребущие звуки. Схватив автомат, я подполз к тёмному провалу в полу и заглянул туда.

В пятно света, шаркая, вошёл последний (я чуть было не сказал «последний оставшийся в живых») из майоровских объектов. Его вид был почти столь же страшен, как у немецких гнилых мертвецов-людоедов. Взрыв в туннеле хотя и не разорвал его на куски, но почти вывернул бедолагу наизнанку. Грудная клетка топорщится сломан-

ными обломками рёбер, живот лопнул от бока до бока и сверху до низу, обрывки сизых кишок свисают до земли и волочатся по ней. Одна рука оторвана по самое плечо. Лицо превратилось в сплошное месиво, посреди которого каким-то чудом уцелел один глаз. Крови не было, лишь поблескивала на ошмётках плоти какая-то вязкая полупрозрачная жидкость. Тем не менее, солдат каким-то образом выбрался из-под завалившей туннель земли и шёл вслед за нами.

Мертвец понял, что я на него смотрю, и остановился, задрал вверх исковерканное лицо. Я медлил, не зная, как поступить. Наконец, я тихо выдавил:

– Спасибо.

Мёртвый солдат молчал.

– Что ты хочешь? Что я могу для тебя сделать?

Медленно, очень медленно поднялась единственная рука. Вытянутый указательный палец ткнул в жуткую маску, примерно туда, где у живых людей находится висок.

– Мучается, видать, просит, чтоб дострелили – с жалостью в голосе заметил дядя Лёва, заглядывая в провал с другой стороны. – Эк его разнесло-то, оптать-копать...

Мертвец медленно кивнул. Если я скажу, что понимал его, то бессовестно совру. Не мог я понять, невозможно было мне, живому человеку, представить, каково это – застрять между жизнью и смертью. Или между смертью и... окончательной смертью. Даже в этом я не мог быть уверен.

– Мучается, – повторил сапёр. Как мне показалось – с упрёком. Мол, чего ждёшь-то? Стреляй.

Не думаю, что оживлённые мертвецы чувствуют боль, если говорить о телесной физической боли. Возможно, они страдают от другой боли – той, что заставляла их идти под пули, наступать на мины, выбираться с одной рукой и волочащимися внутренностями из-под завала, чтобы следовать за живыми людьми. За теми, кто способен взять в руки оружие, прицелиться точно в голову и принести мёртвому желанную смерть.

Не позволяя себе передумать, я совместил линию прицела со лбом солдата и нажал на спуск. Раздался щелчок, от которого вздрогнули мы с дядей Лёвой. Только не мёртвый.

Запасного магазина у меня не осталось. Я огляделся в поисках другого оружия. У сержанта был пистолет, но я не хотел просить его сделать то, что обязан был сделать сам, а позаимствовать оружие просто не догадался. Мой взгляд упал на громоздкий ранцевый огне-мёт, прислонённый к стене недалеко от трупа Мышкина, который при жизни управлялся с этим устройством так же легко, как я с садовой лейкой. В памяти всплыло что-то связанное с очищающим огнём. Я не помнил, где слышал или читал такое выражение. Кажется, это была какая-то книжка про викингов. Да, это будет конец, достойный бесстрашного воина-викинга – в пламени.

Густые брови сержанта нахмурились, когда я отложил разряжённый автомат, с трудом поднялся на ноги и подхромал к огне-мёту. Поднять ранец с баллонами я не мог, но волоком подтащил его к дыре в полу. Мертвец ждал.

– Не по-людски это, – с сомнением произнёс дядя Лёва, должно быть, никогда не слышавший про похороны викингов. – Гнусно как-то, людей жечь. И похоронить-то потом нечего будет, одни головёшки останутся. Тьфу, срамота...

– Мёртвые сраму не имут, – сказал я.

– Они-то не имут, а как же ты, ёж твою медь? Тебе ж жить дальше с этим.

Я пожал плечами.

Да, мне жить дальше, если я переживу этот день и доживу до дня Победы. И вряд ли спустя годы после войны я стану рассказывать эту историю детям и внукам. Возможно, я буду с криком просыпаться от ночных кошмаров до конца своих дней. Но иногда ты просто понимаешь, как должен поступить, даже если со стороны этот поступок кажется дикостью.

Я нажал на рычаг, закреплённый на пусковой трубе, и ревущая струя пламени, вырвавшаяся из раструба, объела стоящую тремя метрами ниже жалкую однурукую фигуру. Сержант отвернулся. Я

смотрел до самого конца. Может, сказала усталость и потеря крови после ранения, но мне почудилось, что, прежде чем упасть, горящий человек снова поднёс руку к голове. Не для того, чтобы изобразить указательным пальцем выстрел в висок, в этом уже не было нужды. Для того, чтобы отдать честь.